

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

И ОПЯТЬ ПОЖАРСКИЙ

К Н И Г А # 7

Андрей Готлибович Шопперт
И опять Пожарский 7
Серия «И опять Пожарский», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68968389

Аннотация

Вот и доросли. Крым. Пора. Нужно снова идти воевать.
Крым наш!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	60
Глава 5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Андрей Шопперт И опять Пожарский 7

Глава 1

Событие первое

Афанасий Иванович Афанасьев редко в последнее время парадный мундир надевал. Приглашали на парад Победы в Москву, да изредка перед школьниками выступить. А надевая, каждый раз чувствовал, что всё тяжелее и тяжелее китель становится. Орденов и медалей на обеих сторонах груди было, ох, как много. Одних советских орденов с десятков. Ещё во время Великой Отечественной заработал ордена «Красной Звезды» и «Красного Знамени», потом за войну в Корее был орден «Ленина» и «Золотая Звезда Героя Советского Союза». Позже, уже в мирное время наградили орденами «Отечественной Войны» и «Суворова III степени». Уже почти в самом конце существования Союза генерала наградили орденами «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» II степени и III степени. В «Рашке Федерашке» к очередному юбилею опять дали орден «Отечественной войны». Кроме советских орденов имелось и несколько иностранных,

так в госпитале в Китае сам Мао Цзэдун наградил его орденом «Освобождения». Афанасий Иванович потом узнал, что он чуть ли не единственный иностранец, награждённый этим орденом. В Эфиопии ему торжественно вручили «Орден Революции 1966 года». «Орден Военных заслуг» получил Афанасьев после войны во Вьетнаме. А ведь кроме орденов ещё и десятки медалей.

Тот мундир остался висеть в шкафу в Нижнем Новгороде двадцать первого века. Сейчас Пётр Дмитриевич Пожарский надевал парадный кафтан века семнадцатого. Ордена были другие. А вот вес? Вес впечатлял. И понятно почему. Не из бронзы и алюминия сейчас ордена делают. Делают из золота.

Орденом Золотой шпоры, или как его ещё называют «Орденом Золотой милиции», наградил папа римский, или может его нунций. Без разницы. До этого Патриарх Иерусалимский прислал орден «Православных защитников гроба Господня». Король Дании Кристиан пожаловал орденом «Белого Слона». Награда исключительно необычная. Знак ордена слона представлял собой миниатюрную объёмную скульптурку: слон, покрытый белой эмалью и украшенный бриллиантами, несёт на спине боевую башенку, которая, в свою очередь, является основанием кольца. Перед башенкой сидит чёрный погонщик. Два ордена Пётр «изобрёл» сам и отправил императору, а тот уже за шведский поход наградил Петра золотым орденом «Георгия Победоносца», а потом, после второй польской компании ещё и серебряным. Навешив-

вая три следующих ордена, Пётр невольно рассмеялся. Достались они ему совсем не за его заслуги. Заслуга была на девяносто процентов Якоба Буксбаума. Это он пленил и заставил выкупать себя и сыновей герцога Савойского Карла Эммануила I Грабителя. Ограбил грабителя. А тому не оставалось ничего делать, денег-то не хватало, и пришлось выдать три комплекта своих высших орденов. По возвращению из Великого Чехословацкого похода один комплект достался самому барону Буксбауму, второй получил полковник барон фон Плотто, а вот третий сейчас украшал кафтан Петра. Кавалеры Высшего ордена «Святого Благовещения» или Ордена Аннунциаты автоматически становятся кавалерами Большого креста ордена «Святых Маврикия и Лазаря». Вот все трое ими и стали. И вешать их на грудь князь Пожарский не стеснялся. Во-первых, это всё же он обучал Буксбаума и готовил стрельцов и возчиков, что его сопровождали, а во-вторых, ведь на его же деньги всё это было сделано. Последний орден был тоже результатом Великого Чехословацкого похода, о котором уж точно напишут в будущем не одну книгу. Хотя? Зачем откладывать, Пётр открыл записную книжицу и чиркнул туда памятку, дать команду написать книгу о походе двух баронов из Генуи в Вершилово, с заходом почти во все столицы Европы. Поучительная вещь будет для юношества. Последний из орденов, вручил фон Плотто, чтобы тот передал его герцогу Пожарскому, герцог Пармский Одоардо Фарнезе. Орден назывался вычурно

«Священный военный Константиновский орден Святого Георгия».

Герцог Одоардо со своим дядей и регентом, полным тѣзкой, кардиналом Одоардо Фарнезе, находился в Милане, и когда узнал замечательную историю пленения Карла Грабителя и коннетабля Франции Франсуа де Бонна, герцога де Ледигьера, в пылу юношеских грѣз о великих воинских победах, а ещё, не без этого, чтобы выпендриться перед находящейся там же невестой Маргаритой Медичи, дочерью Великого герцога Тосканского Козимо II Медичи и Марии Магдалены Австрийской, вручил двум бесбашенным баронам по ордену и один передал для герцога Пожарского с приглашением, обязательно посетить Парму и присутствовать на свадьбе, которая состоится в 1628 году по исполнении Марии Магдалене шестнадцати лет, как, впрочем, и самому герцогу.

Князь Пётр Дмитриевич Пожарский, когда узнал об этом походе и его последствиях, то даже за голову, сперва, схватился. Не хотелось ему вставать в Тридцатилетней войне ни на одну сторону, а тут без него его женили, он теперь прямо герой у католиков и имперцев. Как к этому относиться?

Сейчас, первого октября 1626 года, по новому летоисчислению, введѣнному в Российской империи с января этого года, Пётр не просто так парадный кафтан со всеми орденами на себя напялил. Был повод. Сегодня открывались десять

институтов. Почему не университетов? Ну, по тому, что университет это в переводе на русский «совокупность», в таких заведениях в Европе начали изучать все известные в то время науки. В университетах всегда целый ряд различных факультетов – юридический, исторический, математический, филологический, биологический. Там, в Европе, обучение в университете делилось на два этапа. На первом, который длился 3 или 4 года, «студюзус» должен был овладеть семью «свободными искусствами». Для начала бедолаге предлагалось научиться писать и говорить. Он должен был овладеть тривиумом (от лат. *trivium* – трио, тройка) грамматика, риторика и логика. Уже этого было достаточно, чтобы получить неплохое место в городской администрации или выполнять обязанности секретаря-управителя в каком-либо феодальном поместье. После окончания тривиума студюзус мог приступить к изучению квадриума (от лат. *quadrium* – четверка). В него входили такие дисциплины как арифметика, геометрия, музыка и астрономия. Ежу ясно, что единой программы обучения не существовало. Студюзус мог изучать любые предметы в течение любого количества времени. Нередко обучение растягивалось на долгие годы – студенты переходили из одного университета в другой, благодаря единому языку обучения – латыни – границ для них фактически не существовало. В поисках редких книг или наилучших профессоров учащиеся прерывали обучение, устраиваясь на работу, чтобы скопить денег на новый курс. Процесс,

блин, «учебный».

После овладения семьёю «свободными искусствами» студент мог перейти ко второму этапу обучения. Оно проходило на одном из высших факультетов, которые, как правило, специализировались на одной из трёх дисциплин: богословие, медицина или юриспруденция.

Вот ничего такого Петру Пожарскому нужно не было. Вершиловская семилетняя школа давала знание по любому предмету, разве, что, исключая богословие, философию и юриспруденцию, в разы лучше и правильнее. Ну, богословов пусть семинарии готовят. Нам нужны инженеры. Вот именно поэтому и институты.

Пётр вспомнил, что все попаданцы, ну, по крайней мере, многие из них стараются заменить знакомые иностранные слова русскими. Например, не инженер, а – «Розмысел». Зачем. Пусть будут. Чем богаче язык, тем лучше. Все в Вершилово, кроме него, неплохо владеют латынью, а, следовательно, смогут перевести, что факультет *fakultus* – способность; студенты *studens* – занимающиеся; декан *decanus* – десятник; ректор *rector* – управитель. Главное – это не название. Главное – качество преподавания.

Для начала летом разобрали и перенесли с главной «Красной» улицы Вершилова десять крестьянских домов. Перенесли поближе к Волге и полям. Да, придётся детишкам дольше до школы добираться. Так ведь трамвай есть. Кроме того Пётр понял и теперь исправлял главную свою ошибку

при строительстве города. Нужно всю живность, по крайней мере, из центра, убрать. Всё это мычало, блеяло, гадило, во-няло, кукарекало. Для деревни нормально, а вот для «лучшего» города мира, явно лишняя экзотика. Да, во всём мире сейчас так и делается, но мы ведь русские и мы знаем, как должно быть. Вот с институтов и начали процесс перетаскивания животноводства на периферию.

Вместо десяти одноэтажных домов построили за лето десять трёхэтажных. На входе небольшой портик с четырьмя полуколоннами, окна витражные на первом этаже, а на втором и третьем, где аудитории, обычные. Там студентам свет нужен. Пока в каждом здании только шесть аудиторий и библиотека по предметам, ещё есть кабинет ректора и общая комната для отдыха преподавателей. В дальнейшем, по мере увеличения количества студентов, предполагалось пристроить крылья ко всем зданиям.

Пётр Дмитриевич сначала хотел институт для химиков строить рядом с лабораториями, на выселке, но потом решил оставить все вместе. Ведь студенты физики и географы тоже будут изучать химию, а, значит, корпуса должны стоять рядом. Институтов получилось десять.

Был институт Химии. В нём, как и во всех высших учебных заведениях, было пока два факультета. Неорганическая химия и органическая. Второй пока очень и очень ущербный, но ведь спирты есть, парафины получили, бензол и прочую отраву из угля выделили, нефть разделяем, да много че-

го делаем, о чём в просвещённой Европе и не слышали даже.

Вторым был институт Физики и Математики. Ну, тут всё понятно. Третьим – институт Географии, Картографии и Астрономии. Вот только на нём было три факультета. И самым большим отнюдь не Астрономии, а Картографии. Князь Пожарский даже хотел отдельно институт картографии создать, но потом передумал, без знания Географии и Астрономии карты составлять невозможно.

Четвёртым сделали институт Механики. Два факультета – Проектирования и Сопротивления материалов. Вторая наука ещё в очень зачаточном состоянии, но если ею не заниматься, то ведь так в зачаточной фазе и останется. Пятым, и как полагал Пётр, самым важным был институт Сельского хозяйства. Тоже два факультета – Растениеводства и Цветоводства и факультет Животноводства и Ветеринарии.

Шестой институт будет обучать студентов Медицине. Факультет Фармакологии и факультет Прикладной медицины или Лекарский. Седьмым сделали институт Металлургии. Тут разделение понятно: факультет Черных металлов и факультет Цветных и благородных металлов. Восьмое учебное заведение единственное не носило название «Институт». Называлось оно Академией. Академия Архитектуры и Строительства. Именно с этими факультетами.

Девятым институтом можно было гордиться. Даже науки такой ещё в Европе не было. Институт Силикатов. Тоже два факультета: Строительных материалов и Стекла и Кера-

мики. Последним по счёту Пожарский сделал институт Кораблестроения. Первый факультет Парусного флота, второй Паровых судов. Пока было только одно паровое судёнышко, вмещавшее десяток человек. Только ведь вся жизнь впереди, ещё построим. А строить нужно по науке, а не как придётся и как попало.

В группе должно быть десять человек. Сейчас столько на первый курс не набрали. Нет ещё лишних две с лишним сотни выпускников седьмого класса. Да, если честно и учебников нет, и программы на коленке написаны. Всё будет! Пока не начнёшь и не узнаешь, что нужно.

Сегодня было первое октября – открытие нового учебного года. Пришлось перенести его с 1 сентября. Слишком много народу уже учится. А в это время самая страда. Зачем начинать, как в СССР, учебный год с сентября, если потом всех студентов и преподавателей, один чёрт, загоняли «на картошку». Пусть будет 1 Октября. И введём новый праздник – День Знаний.

Событие второе

Заведующий «Второй Ткацкой» фабрикой Курт Флейшгауф сегодня был не в духе. В красильне чего-то напутали, и вместо тёмно-синего цвета ткань приобрела после стирки и просушки бледно-голубой цвет. Неужели снова перекрашивать. А ведь придётся, ткань не только не соответство-

вала заказанному князем Пожарским цвету, но ещё и была неравномерно окрашена – пятнами. Вот только, перекрасить, не успеть, после обеда, а, значит, через два часа подойдёт Пётр Дмитриевич. А ведь так всё хорошо начиналось. Построили фабрику совсем недавно. И начали делать на ней ткань из крапивы. И в Европе и здесь, на Руси, грубую ткань для мешков и верёвки и раньше делали из крапивы, но одно дело мешки, а совсем другое – портки или штаны. Здесь совсем другие требования. Ткань должна не только прочной быть, но и не истираться, да ещё желательно и не мяться. Не лёгкая задача.

Задумал производить Пётр Дмитриевич эти штаны из синего плотного и прочного материала ещё до похода по вразумлению Речи Посполитой. Только без него не заладилось. Как не пытались бороться с крапивой, ничего хорошего не получалось. И мнётся ткань и на перегибах вытирается. Самые лучшие станки использовали и самые лучшие мастера бились – не получается. И ведь теперь, когда получили всё-таки этот материал, Курту было обидно. Приехал князь Пожарский с Украины, пришёл через семь или восемь дней после возвращения на фабрику, пощупал материал, сказал что-то непонятное. «Хлопок нужен». Снова помял материал и попросил рассказать весь процесс.

– Лучше всего собрать крапиву зимой или в первой половине весны, и ты будешь иметь уже почти готовую тресту: погода сама – дожди, росы, изморозь, туманы и зимние оттепе-

ли – поработают за тебя, разрушив наружные оболочки. При- несённые с пустыря стебли крапивы нужно хорошо высу- шить, разложив на печи. Затем нужно удалить мелкие ветки и засохшие листья. Чтобы проверить качество полученной тресты, её разминают пальцами и надламывают в нескольких местах. Готовая треста должна разламываться в руках с лёг- ким треском, а волокна – отделяться от деревянистых частей стебля.

Обработку тресты начинают с обминания её в специаль- ных мялицах. От того, насколько добросовестно размяты стебли, зависит качество пряжи. Не домнёшь мялкой, так не возьмёшь прялкой – говорят в народе. Обминание тресты идёт более споро, если вместо мялицы использовать двух- вальные или трёхвальные мялки. Один закладывает между валами тресту, другой крутит рукоятку и принимает обмя- тые стебли, называемые повесомом.

Чтобы удалить из обмятой тресты кострику – деревянные части стебля, разломанные на мелкие кусочки, – её треплют специальной трепалкой, имеющей форму большого деревян- ного ножа, или косаря. Нанося трепалкой по повесму частые резкие удары, как можно чище выбивают застрявшую в во- локнах кострику. Затем повесмо кладут на пень и тщатель- но проколачивают. Обычно после такой обработки оставши- еся частицы кострики легко отслаиваются. Их остаётся толь- ко вытрясти, ударяя пучком повесма о круглую деревянную

палку.

Особенно трудно отделяются от повесма вещества, находящиеся между волокнами в верхнем слое стебля. Их можно окончательно разрушить и удалить способом ошмыгивания. Если приходится обрабатывать значительное количество повесма, то его пучки удобнее удерживать не руками, а специальными щипцами. Щипцы состоят из двух берёзовых дощечек, соединённых полоской листового железа. При ошмыгивании один конец пучка повесма можно зажать в мялице рычагом-биллом.

Однако гораздо удобнее применять для этих целей специальный зажим с валиком-эксцентриком. Тем более что такой зажим понадобится на следующем этапе обработки волокон – чесании. Закреплённые волокна захватывают щипцами рядом с зажимом. Обшмыгивая участок за участком, постепенно продвигаются от одного конца к другому. На следующем этапе пучок волокон переворачивают и закрепляют в зажиме другим концом.

Подготовленные к чесанию волокна называют мычками. Крапивные, а также конопляные мычки состоят из длинных, средних и коротких волокон. Чем длиннее волокна, тем тоньше и длиннее пряжа. Для отделения длинных волокон от средних и коротких используют большие кленовые гребни, укреплённые на подставках. Но особенно длинные и чистые волокна получают после повторного чесания так называемыми мыкалками – маленькими гребёнками и щётками,

изготовленными из свиной щетины. Чесать начинают со свободного конца, постепенно продвигаясь в сторону зажима. При этом на расчёске остаются короткие волокнистые очёски – изгребь. Волокна средней длины, вычёсываемые волосяными щётками, называются пачесями, а оставшиеся длинные волокна – куделью.

Ткань, полученная из кудельных нитей, идёт на сарафаны, рубахи, скатерти, полотенца, белье для постели. Из изгребья и пачесей (иначе – отребья и вычесок) готовят пряжу, идущую на грубое полотно, – ватолу, из него шьют одеяла, мешки, всевозможные подстилки и накидки для возов. Из тех же волокон прядут, а затем ткут полотна с редким переплетением нитей – веретье и ряднину, используемую для хозяйственных нужд.

Из грубых волокон, которые не обрабатывались ошмыгиванием и чесанием, вяжут верёвки и канаты, использовали как паклю для прокладки между венцами бревенчатого сруба, а также для конопачения пазов между брёвнами. Готовые холсты потом вывариваем в щёлоке, чтобы отбелить.

Пока всё это рассказывал и показывал князю русский мастер, Курт стоял в стороне и поражался в очередной раз. Пытался представить себе графа или герцога в их немецких землях, который будет ходить и сам пробовать чесать кудель, вить нить. Не получалось.

– Я ведь понял в чём беда, – вдруг прервал мастера Пётр Дмитриевич.

– В чём же, Ваша Светлость? – подключился, выбросив из головы графов немецких Курт.

– Если волокна крапивы хрупкие, то нужно смешать их с другими, менее хрупкими. Попробуйте добавлять к крапиве на последнем этапе шерсть или лён, а может и шерсть и лён. Шерсть берите самую тонкую от яков или молодых верблюдов, – хлопнул по плечу управляющего и мастера и помчался куда-то дальше.

Не одни ведь они в Вершилово ничего путного без Пожарского сделать не могут. Стыдно. Пятьдесят лет Курт Флейшгауф занимается ткачеством. От всеми битого подмастерья выслужился в мастера, а здесь в Вершилово стал управляющим фабрикой, а мальчишка, князь, воин учит его, как сделать качественную ткань. И получилось ведь. Вот и не поймёшь, то ли радоваться, что получилось, то ли огорчаться, что сам не додумался. Стыдно!

А вот теперь ещё и с окраской напортачили.

– Блин, как джинсы варёные! – неожиданно обрадовался Пётр Дмитриевич необычному окрасу штанов.

– Мы перекрасим сегодня же. Наверное, что-то напутали с закрепителем, уксуса пожалели, – попытался оправдаться Курт.

– Конечно, разберитесь. Может и химики виноваты. Но! Выясните, как так получилось, и попытайтесь повторить. Нужно научиться красить с пятнами. Попробуйте на коричневой и зелёной краске. Когда получится, сразу найдите ме-

ня.

И опять убежал, хлопнув обоих по плечу. Радостный убежал. Пойми его этого князя. А пятнистую ткань сделаем. То, что сделано один раз, повторить легче, чем новое-то изобретать. И без князя справимся.

Событие третье

– Пионер, к борьбе за светлое будущее Российской империи будь готов!

– Всегда готов!

Президент Российской академии наук Михаэль Мёстлин повязал алый галстук на тоненькую цыплячью шею Васки Постникова по прозвищу «Рубль» и пожал тонкую влажную от волнения ладошку мальчика. Сегодня принимали четвероклассников в пионеры. Было не очень много детей удостоенных этой чести. За просто так получить алый галстук и серебряный значок с бело-голубым Андреевским флагом нельзя было. Требовалось соблюсти два условия: во-первых, учиться только на одни «пятёрки», а во-вторых чем-то резко выделяться среди сверстников. Второй мальчик Пётр Истомин был капитаном футбольной команды, лучшим спортсменом школы и даже целый подвиг совершил – спас на реке сверстника, когда тот перевернулся на самодельном плоту и стал тонуть. Третий и последний принимаемый сегодня в пионеры был не меньшей знаменитостью Вершилова, при-

ёмный сын Петра Дмитриевича Пожарского Павел за один год прошёл курс трёх лет школы и сейчас уже начал учиться в седьмом классе. Поздновато для поступления в пионеры, но это не его ведь вина, что до этого он в приюте в Москве не имел тех учителей и учебников, что имеет любой вершиловец. А ещё Павел Пожарский разработал график и порядок, по которому будут спариваться туры. Этих гигантов пытаются в Вершилово спасти от полного истребления в зоопарке. Скрещивают с быками и коровами, привезёнными из разных стран, так, чтобы было минимальное количество близкородственных связей. Вот Павел, пусть и с помощью Пьера Ферма, составил такую таблицу. Сейчас чистокровных туров стало тринадцать, в этом году родилось четверо телят, но один самый старый бык умер, тем самым резко сократив количество возможных вариантов для скрещивания.

Васька Постников переплюнул всех. Он вывел подсолнух с очень крупными семенами – семечками. Вывел случайно? Ну, пусть, случайно. Но ведь он и хотел вывести и работал над этим три года. И получил замечательный результат. Вот только...

Вот только за Васькину удачу сам Мёстлин получил целый выговор от князя Пожарского. И за дело. Михаэлю было стыдно, чувствовал он, что виноват. И не в том, что вывел новый сорт пацан сопливый, а не несколько десятков селекционеров, что сейчас работают в Вершилово. Нет. Совсем по другой причине. Васька не вёл записи и теперь неизвест-

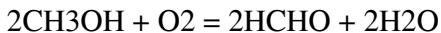
но, что заставило семена увеличиться в размерах в несколько раз. Когда Пётр Дмитриевич узнал об этом он прошёл по всем селекционерам и потребовал показать их записи. Вот тут и началось. Почти никто ничего не вёл.

– Это не наука! – Грохнул кулаком по столу Пётр Дмитриевич на общем собрании всех, кто занимался выведением или районированием новых сортов, – Это тыканье пальцем в небо. Нужен чёткий план, нужны записи, нужны колышки с табличками, на которых написано, где, что и когда посажено. Ведь это элементарно. Вы ведь не крестьяне забитые, вы – учёные!

Народ сидел, повесив голову. Так уж привыкли. И навыводили за время пребывания в Вершилово кучу новых сортов и более ранних и более урожайных. Там, в зачумлённой, вшивой, грязной, воняющей Европе, ни о чём подобном даже мечтать не могут. А вот оказывается можно лучше, и нужно действовать по правилам, а не по наитию. Стыдно.

Васька, когда его стали пытаться, как он такие семечки получил, всё обстоятельно рассказал. Он и подмораживал семена, и прогревал, и в разных растворах замачивал, и газами всякими у химиков протравливал. Вот только записей, как, впрочем, и все остальные селекционеры не вёл. Пётр Дмитриевич сам сходил к химикам и долго их расспрашивал, чем там мог «Рубль» повлиять на размер семечек. Оказалось, что больше всего Васька «экспериментировал» с метиловым спиртом, что ван Гельмонт получил сухой перегон-

кой древесины, и с продуктами, что создали из этого спирта. Вполне возможно, что именно сильный яд, что получился при прокаливании спирта с воздухом при катализаторе из серебра и железа и повлиял на семена подсолнуха:

Князь Пожарский понюхал полученный раствор и задумался.

– Не знаю. Я ведь не химик, но по запаху похоже на формалин. Может, он и есть.

– Что такое формалин? – воскликнули в голос все химики.

– Слушайте, я ведь сказал, что не химик. Хотя? Попробуйте отдать его кожевенникам. Если это формалин, то им можно выделывать шкуры, он закрепляет волос и прекращает любое гниение. Если честно, то как это делается я не знаю, кажется кроме того добавляют немного щелочи. Кроме того отнесите докторам пусть проверят под микроскопом, формалин должен убивать все бактерии. Сами только не отравитесь и кожевенников с докторами предупредите. Формалин, если это он, очень сильный яд. И руки берегите, а особенно глаза. Выжжет.

Мёстлину в этом году, два дня назад, исполнилось семьдесят шесть лет. Он, по заведённой уже традиции, отмечал его в кругу своих – профессоров из Тюбенгена. Все благодарили его за то, что сманил их тогда в, никому практически неизвестную, Пурецкую волость. А сам Михаэль задумался. С какой потрясающей скоростью развивается наука и тех-

ника в Вершилово. Сейчас он даже письма перестал писать бывшим друзьям и коллегам. Они его не понимают. Они от- стали навсегда. Их письма читать не интересно.

Глава 2

Событие четвёртое

В 1585 году в Самарское урочище прислали подьячих из разрядного приказа. Они осмотрели местность и выбрали место для строительства крепости, были составлены чертежи и сметы, а указ возглавить экспедицию был послан в конце 1585 – начале 1586 года алатырскому воеводе князю Григорию Осифовичу Засекину, происходившему из древнего рода князей Ярославских, ведущих свой род от Владимира Мономаха. Князь Засекин был первым Самарским воеводой и основателем крепости.

К строительству Самарской крепости готовились полтора-два года. В конце апреля – начале мая 1586 года караван судов, из-под Свияжска, отправился в путь. Главным помощником Засекина в том походе был стрелецкий голова Фёдор Ельчанинов, с которым они участвовали в подавлении черемисского восстания.

Поперву хотели строить крепость в Самарском урочище, где река Самара впадала в Волгу. В этом случае крепость была защищена от внезапного нападения кочевников протоками и озёрами. Но, осмотрев всё более внимательно, князь

Засекин начал строить крепость вдалеке от Волги на возвышенности, которую все называли «горой».

Датой основания нового города считается праздник Троицы, который в 1586 году пришёлся на 22 мая (1 июня по новому стилю). Потому как, именно в этот день началось строительство, как крепости, так и первого самарского храма – Пресвятой и Живоначальной Троицы. Появление крепости на Волге (в том же году на реке Белой была построена Уфа) не на шутку огорчило ногайского бия Уруса. Новый ногайский бий – Урус в 1585 году предлагал даже Крымскому хану заключить союз и пойти в поход на Астрахань, чтобы при поддержке турецкого султана лишить Россию Нижней и Средней Волги. Посланники из Москвы, да и сам Григорий Засекин всячески убеждали его послов в том, что она построена только для борьбы с казачьей вольницей. Бий не верил.

Дело шло к большой войне, и Москва решила использовать в качестве «вестников мира» казаков. Летом 1586 года волжско-яицкие казаки во главе с Матюшей Мещеряком совершили ряд набегов на ногайские станы. А потом и вообще замыслили неслыханное: построить город на Кош-Яицком острове на реке Илек (Урал). Бию Урусу стало не до Самары. Он пошёл на штурм нового казачьего городка, но потерпел сокрушительное поражение.

Уже после победы казачьего войска над Урусом, к его атаманам доставили царскую грамоту, которая призывала их

поступить на государеву службу. Мнение разделились. Часть казаков во главе с атаманом Матвеем Мещеряком приняла предложение и прибыла в Самару. Но большинство во главе с Богданом Барбошей осталось на Яике.

Прибывших в Самару казаков хотели отправить в Астрахань, но вмешался случай. От Мещеряка потребовали, чтобы ногайцам вернули пленных и награбленное за год имущество. По стечению обстоятельств, в то же время из Москвы через Самару возвращалось ногайское посольство. Степнякам было бы приятно вернуть себе все отнятое казаками, а царь и Боярская Дума получали прекрасный повод, показать себя друзьями бия Уруса. Но атаман Матвей Мещеряк и его товарищ Тихон Пиздёша не подчинились, объясняя, что все награбленное досталось им в честном бою, и что, казаков на ногайцев «натравила» сама Москва.

Совсем обезумев, казаки и вовсе стали издеваться над прибывшими в Самару ногайскими послами: «всякие непригожие дела говорить... как жён их соромотили», за пленников потребовали огромный выкуп, а, в конце концов, попытались их ещё и ограбить.

Григорий Засекин был вынужден бросить пятерых самых буйных казаков в тюрьму, а остальных отправить в Астрахань. Держать видных атаманов в узилище было опасно. В любой момент им на выручку могли прийти казаки с Яика. Что-то предпринимать без царской грамоты Засекин также не мог. Пленённые же казаки не сидели, сложа руки. Они

вступили в сговор с частью гарнизона Самарской крепости. План был прост: «послать» весть всем вольным казакам Волги и Яика, чтобы те подошли к Самаре и взяли крепость штурмом.

Однако среди заговорщиков нашёлся предатель, который сообщил князю Засекину о готовящемся заговоре. Григорий Осифович немедленно сообщил об этом в столицу. Рассмотрение дела заняло немного времени, и в марте 1587 года в Самару прибыл сын боярский Постник Косяговский с царским вердиктом: «Матюша Мещеряка да Тимоху Пиздяшу, да иных их товарищей пущих (государь) велел казнити перед ними послы смертною казнию». Приговор привели в исполнение весной 1587 года. Ногайские послы вернули себе все отнятое казаками и убедились в лояльности русской администрации. Был, достигнут и столь долгожданный для Москвы мир. Многие ногайские мурзы оставили мысли о самостоятельности и начали посылать свои отряды на службу в русскую армию.

Летом 1589 года Засекин опять строит крепость на стратегически важном участке – переволоке между Волгой и Доном. Городок был назван Царицыным. Следующим летом Засекин строит Саратовскую крепость.

Всё это по просьбице Петра Дмитриевича было изложено в грамотке дьяком из Приказа Казанского дворца. Князь уже так отвык от архаического языка местных дьяков, что сначала «переводчику» отдал – Дружине Осорьину. Просьбу

об истории основания города Самара Пожарский отправил ещё в 1625 году весною, отправляясь вразумлять ляхов. Вот только пришло. Всего-то полтора года понадобилось товарищам. Ладно. И их вразумим, дайте срок.

Этой же весной Пётр отправил в Самару и несколько рудознатцев с картографом. Нужно было найти серу. Нашли. Сразу в нескольких местах нашли. Самое ближайшее находилось в сорока километрах от городка, на севере в месте впадения в Волгу небольшой реки Сок. Место называлось – Красная глина. Напротив, на косе тоже нашли выходы серы прямо на отрогах небольшой горушки, которую тут же окрестили «Серной». Князь Пожарский, едва отдохнув недельку после возвращения из польского похода, собрал руководителей Вершилова на совещание. Нужно было закладывать новый город. Самара пусть остаётся. Только вот сделать из неё нужно центр по выращиванию зерна. Плодородные почвы, умеренный климат, Волга рядом, а, значит, легко можно по воде отправлять в Москву и дальше в Новгород Великий избытки зерна. А оттуда получать промышленные товары.

Кроме того, насколько из местных карт и грамоток, присланных из Приказа Казанского дворца, понял Пётр – река Самара в верхнем течении подходит совсем близко к реке Яик. То есть, если поставить в верховье Самары городок, то там можно будет организовать «переволох» и это будет самый короткий маршрут по доставке чугуна и стали из Маг-

нитогорска, когда его построят.

Но это Самара и это будущее. А сейчас нужно построить город на этой Красной глинке и добывать серу. Сера – это дымный порох. Без него ещё века Европа жить не сможет. Следовательно, серу нужно добывать и продавать в виде самой серы, а со временем и в виде пороха. Нужно только получить более-менее дешёвую селитру калиевую.

Весной 1626 года основывать новый город отправилось более двух тысяч человек. Почти три сотни словаков во главе с полковником Мигалеком будут крепить там оборону. Кроме словаков в новый город Красноглинск поплыли пятьдесят семей морисков и столько же финнов (чухонцев). Плыли и русские. Были мастера из Вершилова. Нужно будет строить там и стекольный завод, и завод по литью чугуна. Понятно, что имея опыт строительства уже пяти городов, предусмотрели и кожевенников и шорников и скорняков и плотников со столярами. Сразу с домами возводилась больница с родильным отделением, две школы и четыре часовенки, которые потом должны вырасти в храмы разных конфессий христианства.

Вот сегодня пятого октября 1626 года по новому стилю строители вернулись. Всё запланированное успели сделать. И ведь даже хорошую весть с собой привезли. Оказывается, не сгинула экспедиция Чепкуна Разгильдеева. Все живы здоровы. Задержались, разыскивая гору Магнитную, зимовать опять придётся в Астрахани. Только с одной небольшой ло-

дьеѣ вот весточку прислали.

Событие пятое

Сержант Михаил Бурдаков взял на руки жену и протянул «драгоценную» ношу встречающим на пристани. Потом, прихватив большущий мешок с мехами, вскарабкался и сам. Маловата их лодья, чтобы можно было прямо по сходням перейти на вершиловскую пристань. Маловата, зато ходкая и лёгкая. Экспедицию встречали. Даже сам князь Пётр Дмитриевич Пожарский пришёл. Согрело это душу Михаилу. Беспокоится, значит об них Пётр Дмитриевич. Знамо дело, из какого далече приплыли. Почитай полтора года прошло, как весною 1625 года отчалили от этой же пристани, отправляясь в поход на Урал, в Верхотурье.

Женился сержант как раз в этом городке. Один из казаков семнадцать лет назад взял в жёны дочь местного вогульского князька, вот у него и родилась первой дочь, названная в честь греческой царицы Еленой. Сейчас у тестя уже семеро. Не богато живут. Ну, да теперь изменится всё у них к лучшему. Будут Касьяновы отправлять в Вершилово кедровый орех и мягкую рухлядь, а взамен получать товар из Вершилово. Василий Касьянов был ямским охотником, получал лишь по 7 рублей жалованья в год до 1623 года. Под слабое хлебное вино долгими зимними вечерами любил тесть похвастать, как подали ямщики челобитную Верхотурско-

му воеводе Ивану Ивановичу Пушкину, а тот не преминул отправить её царю с припискою поспособствовать ямским охотникам, так как сильно в нужде де те пребывают, и прибавить им по 3 рубля на год. А через год после этой прибавки верхотурские ямщики просили сравнять их с туринскими и тюменскими ямщиками, получавшими по 15 рублей и содержавшими гоньбу лошадей на двух дорогах, тогда как верхотурские ямщики гоняли на семь дорог: велено было Государем императором давать им жалованья тоже по 15 рублей.

Михаил в Верхотурье поселился как раз на ямском дворе и там и повстречал и тестя будущего, а потом и жену свою. Договорились они с Касьяновым, что встанет Бурдаков на постой к ямщику до весны за три рубля с полным обеспечением. Вот там с Еленушкой и свиделись.

В городок на Урал камне добирались несколько месяцев. В середине мая 1625 года отчалили на новой, необычно узкой, лодье из Вершилово. До Казани был кормщик с ними, что знал те места. Быстро добрались. Косой парус, что позволял идти почти при любом ветре, да десять опытных гребцов, только успевай наблюдать проплывающие мимо деревеньки и городки. Потом сложнее стало. Кормщика-то в Казани оставили. Один раз даже заблудились. Было это при впадении в Каму реки Вятка. Там сама Кама такой изгиб делает, что показалось вершиловцам, что Вятка и есть продолжение реки, пока до села первого не добрались и узнали, что обознались, день прошёл, да назад потом столь же.

К Перми уже в самом конце июля доплыли. А ведь ещё и дальше до Соли Камской добираться. В этом городе первое задание Петра Дмитриевича выполнили, зашёл Михаил к местному воеводе Гаврилу Михайловичу Веревкину и передал просьбицу князя Пожарского показать опись хозяйства. Тот занят был, собирался в Пермь по делам и отправил к своим товарищам Якову Бутримову и Моисею Фёдоровичу Глебову. Вот Глебов и показал списки. Согласно писцовым книгам, в 1623 году в Соликамске было 357 дворов, 67 лавок, 37 варниц и 16 кузниц. За прошедшие полтора года и ещё увеличилось население. Идут ведь и идут людишки в Сибирь, кто и остаётся.

Дальше добирались по Бабиновой дороге. Сам-то Артемий Сафронович помер в позапрошлом годе, но внук его Кузьма Бабинов дело семейное продолжает, за дорогой смотрит. От него Михаил узнал и об истории новой дороги в Сибирь. В 1595 году, царь Фёдор Иоаннович, подписал указ, который разрешал прокладывать новые дороги из Урала в Сибирь. Через два года, посадский человек из города Сольвычегодска по имени Артемий Бабинов, отыскал короткую дорогу от Соликамска до Верхотурья. Бабинов выведал о новом пути у вогулов, причём, с помощью хитрости. Однажды набрёл он возле Чаньвинской пещеры на аборигенов, справляющих свои языческие обряды. Приходили они тайком с реки Туры. Пошёл-то Артемий на охоту, и увидел тени в лесу. Сначала он подумал, что это зверь, а оказалось, что

это были вогулы. Тогда охотник притаился, и решил проследить за ними. Так, по тайным сокмам (тропам), через реки и Уральские горы, вогулы вывели Бабинова в дремучие леса Сибири. Чтобы не забыть дорогу назад, Артемий Бабинов заламывал ветки деревьев в виде креста. Так он по знакам домой и вернулся. В 1597 году, началось строительство сухопутной дороги из города Соликамска в Верхотурье. Построить необходимо было всего 250 километров. Артемий Бабинов стал не только открывателем дороги, но и устройтелем всей верх-яйвинской земли, лежащей на пути из Соликамска в Верхотурье. Царь Фёдор Иоаннович пожаловал его земельной дачей и выдал грамоту, чтобы «с его деревни и с его двора пошлины и оброки не брали... и велел ему по той же новочищенной Сибирской дороге жить на Ейве-реке на льготе и слободу устроить для проезду воевод наших и служилых и всяких людей, и наших соболиных и денежных казны и хлебных запасов...».

В 1617 года грамотой царя Михаила Артемию Бабинову было присвоено почётное звание – «Сибирской дороги вож» («вож» – древнее русское слово, которым в России именовали тех, кто прокладывал новые пути), и он перешёл на государственную службу. Основанная им Верх-Яйвинская слободка позднее стала погостом, а сейчас уже и селом.

Кузьма похвалялся Бурдакову, что он в этом годе усовершенствовал дорогу между сёлами Чикман и Молчан.

Ну, а в Верхотурье их отряд перезимовал. Поначалу разместились на яме, но жить в такой тесноте и при дороговизне местной вершиловцы не захотели. Срубили себе две домины по подобию тех, что строят в Вершилово и других основанных князем Пожарским городах. Жаль кирпича не успели изготовить, снег выпал, и не разведать уже было, где глины хорошей накопать можно. Потому печь сложили из камней, этого-то богатства полно на Урале. В баню же ходили к знакомцу, а потом и тестю Бурдакова – Касьянову.

Город был построен на окончании сухопутной дороги и на начале водного пути в Сибирь на месте вогульского городища Немонкарр. За, без малого три десятка лет, успели, и кремль срубить, и построить Свято-Троицкий собор, и даже создать женский Свято-Покровский монастырь. Место для строительства Верхотурья выбирал чердынский воевода Сарыч Шестаков, он и план кремля сам начертал. Особенностью его плана было то, что воевода предложил строить только три стены, а так как место выбрано на высоком (26 метров) утёсе мысом выдающемся в реку Туру, то со стороны утёса вместо стены «хоромы поставить в ряд» и «от реки поставить наугольные башни». План в Москве одобрили и прислали первых воевод Верхотурья Василия Головина и Ивана Воейкова строить крепость.

Михаил с князем Пожарским по стране, да и по соседним странам, попутешествовал. Много городов повидал. Бросалось в глаза, после Вершилова-то, грязь и неустроенность.

Вот и Верхотурье было неустроенным, улица одна, а остальное всё вкривь и вкось поставлено. Трудно разве составить план и нарисовать на нём прямые улицы, а потом строить всё согласно этому плану. Эх, не учились те воеводы в Вершилово.

В конце осени и зимою в Верхотурье Михаилу забот хватало. Князь Пётр Дмитриевич кроме составления карты и описания маршрута и новых городков выдал Бурдакову и вполне осязаемое задание. Нужно было набрать максимальное количество кедрового ореха и семян пихты. Потом в Вершилово всё это разделят и отправят в новые города, что зависят от Петра Дмитриевича: Мариинск, Михайловск, Дмитровград, Красноглинск, Царицын, Саратов, Астрахань, да и в смоленском Днепропетровске кедры не помешают. Так-то в тех местах леса нет, из-за чего и ветра сильные и бури пыльные. Вырастит лес, ветра поутихнут, а со временем и хворост появится, грибы, ягоды. Как людям русским без леса. Не русские там? Ну, это пока не русские. Одумаются.

На обратном пути неприятность случилась. Или приятность? Скорее – удачное приключение. Чуть ниже Перми на их лодью напали казаки на двух шитиках. Чего людям спокойно не живётся? Почему обязательно грабить и убивать надо? Только теперь в Гиене Огненной будет у татей время подумать о правильности жизни своей. Против вершиловских ружей с цельнометаллическим патроном их че-

тыре дедовские пищали, из коих даже прицелиться нельзя, хрень собачья. А фальконет, что казаки на носу одного шитика поставили, при выстреле только самих казаков и покалечил, пороху, скорее всего, переложили, а может, второпях второе ядрышко забили.

Десяток Михаила отделался только икотой. Смеялись до неё, над горе воинами. Два залпа и нет казачков. Когда по очереди проверили их лодки после боя и нашли «удачу». Целый мешок соболей. Вот, спрашивается, что надо было? Продали бы мягкую рухлядь, и денег хватило бы каждому на большущий дом и подворье со множеством скотины. Жадность? Глупость? Жадная глупость?

Глупая жадность!

Событие шестое

Сегодня явно был удачный день. Во-первых, без потерь и даже с пополнением вернулась экспедиция с Верхотурья. Пётр отправил туда стрельцов ещё весною 1625 года перед войной с Польшей. Цель проста. Нужно привезти как можно больше кедрового ореха и семена пихты. Будем всё это сажать. В Нижнем Новгороде, да и вообще в Европе, включая Россию, пихта практически не растёт, а ведь из неё делают камфару. Нужно это исправить. Во-вторых, эта же экспедиция принесла и хорошую новость от другой экспедиции. Чепкуну Разгильдееву пришлось снова остаться на зи-

мовку в Астрахани. Летом от туда доставили слонов, тигров и гепардов для зоопарка и неутешительные новости, что гору Магнитную не нашли. Будут пытаться летом подняться по реке Яик выше, чем в этом году. Может, она там найдётся.

Поиск был уже не актуален. Летом приплыл караван судов с Белорецка, привезли медь, золото, серную кислоту и сто двадцать тонн чугунных рельсов. С этим караваном прибыли и карты верховьев реки Яик с указанием местонахождения горы, а значит и будущего города Магнитогорска. Казаки из Тюмени, перебравшиеся в Миасс, гору нашли. Молодцы. Вот теперь нашли и стрелы, посланные с княжичем Разгильдеевым. Только вот очень далеко до неё, если со стороны Каспия искать. Ничего страшного. Зато теперь имеется неплохая карта, составленная португальцем «Ивашкой Рябым», практически всей реки Яик (Урал).

В-третьих, сегодня утром, можно сказать, случайно нашли замечательный способ получения парафина из керосина и солярки. Ещё отправляясь на вразумление Речи Посполитой, Пётр раздал химикам задание. Ван Гельмонту и его сыну Франциску Меркурию досталось получение парафина из нефти и продуктов её переработки. И даже подсказку дал. Правда, подсказкой можно было воспользоваться только зимой. Ещё перегоняя нефть на керосин, солярку и бензин, генерал Афанасьев вспомнил, про случай, что случился с его сыном в далёком 2014 году. Договорились всей семьёй встречать новый год на даче. Афанасий Иванович приехал,

протопил дом, украсил ёлку, растущую на участке, а детей всё нет. Потом подъехал младший с семьёй, стали готовить закуски, даже шашлыки уже нанизали на шампуры, а второго сына нет и нет. Дождались. Только приехали потомки не на своей машине, а на такси. Оказалось, что новый корейский внедорожник Сань Йонг Кайрон, буквально несколько месяцев назад купленный в салоне, отказался заводиться. Потом оказалось, что у него «парафиновое отравление». Летняя солярка с высоким содержанием парафинов на морозе выделяет эти самые парафины, и они забивают всю топливную систему. Кто виноват? Виноват сын, зачем хранил летнюю солярку в канистре.

Вот. Оказывается на морозе и из солярки и из керосина можно легко получить парафин. Остудил, прогнал через очень мелкое сито и готово. Оказалось всё не совсем так. Парафин получился с маслом. А как их разделить? Вот год почти и бился с перерывами на другие открытия ван Гельмонт над этой проблемой. Бился себе, бился, и ничего хорошего не получалось. Нет, парафин стал твёрже, но свечи делать из него ещё рано было. А вот сегодня утром, когда Пётр зашёл к семейству ван Гельмонтов, узнать, не наизобретали ли голландцы чего нового, Франциск Меркурий запнулся о скамью и просыпал в банку с соляркой гранулы мочевины. Он как раз проделывал над ней опыты, чтобы очистить от фосфатов и прочих примесей. Он хотел отфильтровать карбамид, но в это время прибежал гонец и сообщил, что при-

была экспедиция из Верхотурья. Все и бросились встречать. Это традиция, появившаяся в Вершилово, князю Пожарскому не нравилась. Все подряд ломятся к пристани, понятно, родные, близкие друзья. Так нет. Всё Вершилово от мала до велика спешит. И ведь не близко. Кони скачут, люди бегут, трамвай звонит. Армагеддон.

Встретили, узнали новости, разошлись. А через пару часов Петра вызвал к химикам гонец. Оказывается, пока все носились туда-сюда, карбамид осадил из солярки парафин. Пока Пётр Дмитриевич пришёл, его уже нагреванием отделили от мочевины, и, несмотря на поздний вечер, начали всем кагалом ставить десятки опытов и с керосином и с бензином и с соляркой. Пётр постоял у порога, поулыбался и, насвистывая песенку, «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...», довольный пошёл домой. Нужно выспаться. Завтра писать письмо Государю. Не простое письмо. Сегодня ещё одно «удачное» событие случилось. Пришло известие, что короля Дании и Норвегии Кристиана, Валленштейн с Тилли разбили и теперь прут на Гольдштейн. Ну, что ж, все, как и в прошлый раз. Тяжело историю с накатанной колеи свернуть. Но и плюс в этом есть – всё ещё можно пользоваться послезнанием.

Глава 3

Событие седьмое

Императора Михаила Фёдоровича Романова одолели бояре, «советуют». Повод, если честно, был. Жена – Дарья Ивановна родила третьего ребёнка два дня назад. Замечательное событие. Вот только все три ребёнка были девочками. Нет наследника. Советуют в монастырь Дарьюшку отправить и другую жену из своих русских взять. Уж русская царица из древнего дворянского рода Рюриковичей или Гедиминовичей обязательно сразу родит мальчика и непременно богатыря. Слава богу, сегодня приехал Петруша. Был повод сбегать от бояр. Много чего сложного и важного нужно обсудить с князем. И мало кто из бояр посмеет вломиться во время беседы царя с Петрушей. Не много среди них самоубийц.

– Ирина, Пелагея и Анна, – попробовал на «вкус» имена царевен князь Пожарский и тепло улыбнувшись стал успокаивать Государя, – Будут и мальчики, не переживай, Великий Государь. Зато сколько пользы царевны могут принести государству своему. Их можно выдать замуж за немцев, маркграфов, да курфюрстов, и они воспитают наследников в духе любви к России, а когда сами они станут сюзеренами, то мо-

жет у них появится желание вступить в великую Российскую империю. Малости не хватает. Нужно Московию превратить в эту самую «Великую Российскую Империю».

– А что не так? – насупился Михаил.

– Государь, меня ведь меха практически не интересуют. Да, это очень прибыльная торговля. Да, я могу скупать меха, шить из них шубы и манто и продавать гораздо дороже в Европу и Азию, чем просто шкурки. Только лучше пусть этим кто другой займётся. Я помогу всё наладить. Не в этом проблема. Два года назад вышел указ о запрете Мангазейского пути.

– Так англы могут напасть на Архангельск и кроме того они почти без пошлин скупают там меха, – перебил князя Михаил.

– Англия на нас? Одного моего полка хватит, чтобы сбросить десятки тысяч их вояк назад в Мۇрманское море (Баренцево). Тот, кто это придумал, либо полный дурак, либо преследовал свои интересы, чтобы тебя, Великий Государь, обмануть. На самом деле, причина совсем в другом. Вернее, этих причин две. Начнём с главной. Люди бегут от бояр в Сибирь. Не только в Сибирь, и на Волгу бегут, и на Дон, теперь ещё и на Яик, на Терек. Бегут не от хорошей жизни. Никто ведь из Вершилова не убежал. Всё с точностью до наоборот – в Вершилово бегут. А всё из-за жадности бояр и дворян. Обирают смердов до нитки, весь урожай забирают. Ничего, крестьянин репой, да лебедой прокормится. У меня крестья-

нин один приносит доходу больше чем у бояр несколько деревень. Урожай в десять раз больше, да пашет он не две четверти земли, а пять-шесть, а то и десять. И корова у него не одна, да и та от бескормицы зимой еле живая, а минимум три, а у колхозников двести, – Петруша махнул рукой и грузно уселся на маловатое для него кресло.

Михаил всё это уже слышал, и не раз слышал, и видел, два раза побывав в Вершилово, что всё это правда. Видел, а ничего поделывать не мог. Не хотели бояре жить по-новому, грести деньжищи хотели, как князь Пожарский, а работать, как «выскачка худородная» не хотели.

– Государь, нужно немедленно отменить указ о запрете Мангазейского пути в Сибирь и наоборот, придумать поощрение для тех, кто туда продукты, да товары повезёт. Ведь элементарно же это, чем больше там будет народу, тем меньше шансов у англичан. Кроме того, нужно дать Разбойному приказу задание, найти зачинщика этих разговоров. А когда найдут, то, не смотря на чины и заслуги, отправить в Сибирь в ссылку со всей семьёй и крестьянами. Пусть крепит оборону против англов.

– А чем же путь через Верхотурье хуже? – горько вздохнул император, очень не хотелось ему с Думой враждовать.

– Ничем не хуже, может быть, даже лучше. Там, на Севере, тяжело организовывать производство, руду добывать, на Урале проще, и богатств в земле больше. Но нельзя допустить, чтобы Север обезлюдел. Это, и само, достаточно

скоро, произойти может, выбьют пушных зверьков всех поблизости, и дальше в Сибирь казачки и промысловики двинутся, а Туруханск и Мангазея в запустение придут. Но ещё раз повторяю – этого допустить нельзя. Нужно подумать, как людей там закрепить. Может организовать разведение северных оленей, овцебыков, яков. Может организовать зверофермы, где люди будут песцов и соболей в клетках разводить. Недалеко от Туруханска на реке Норилка есть залежи серебра и платины, медная руда есть, там город можно попытаться основать, а через Мангазею и Туруханск туда продукты завозить, а назад металлы везти. Но это ещё не скоро будет, много ещё мягкой рухляди в тех краях.

Вторая причина, что подвигла некоторых бояр, в заговор сей вступить, это как раз меха. Вернее мзда с купцов, что беспошлинно, минуя таможеню, скупают их. Тоже нужно следствие учинить, устроить обыск на кораблях иноземцев в Архангельске и если шкурок больше, чем по бумагам, то наплевав англ он, швед, голландец, датчанин, пытать пока сообщников не выдаст, потом тех в железа. И так, до тех пор, пока главные враги России не выявятся. Уверен, найдутся среди думцев. И если честно, то это хорошо. Этих тоже нужно в Сибирь и на Урал отправить вместе с семьями, но уже без крестьян, пусть возьмут немного слуг дворовых и всё.

– Не сильно ли круто ты Петруша с боярами? – перекрестился Михаил Фёдорович.

– Слушай, царь-батюшка, мысль сейчас замечательная

пришла, – расцвёл князь Пожарский, – У нас сейчас много городов образовалось, через которые товары из России вывозят и наоборот завозят. Это и Рига и Архангельск, и Астрахань и Львов и Киев. Вот нужно туда бояр отправить налаживать таможенную службу, а я с ними своих людей пошлю, которые за их действиями присмотрят и немного обученных в Вершилово воинскому делу юношей. Бояре начнут там вместо налаживания работы налаживать мздоимство, назад их уже мои люди в железах привезут и бумаги, подтверждающие их преступления, опросные листы купцов и грузчиков. Смотришь, и таможенники мзду брать отучатся и число бояр в Думе поуменьшится, а ты Государь новых не набирай. Десяти человек за глаза хватит.

Страшно. На самом деле, страшно. Недавно ведь совсем из-за борьбы боярской за власть и шведы Русь обкромсали, и ляхи десятки тысяч людей истребили. Попробуй прижать бояр, они снова за воровство (покушение на власть царя) примутся. Пусть и изменились сейчас времена и вершиловцы есть, но далече от Москвы то Вершилово. Успеют только похоронить с почестями.

– А что Петруша про просьбу брата моего Кристиана Датского, помочь ему против имперцев, скажешь. Ведь там герцогство, что в приданное Дарьюшке досталось, – перевёл со скользкой темы разговор Михаил.

– Специально ведь из-за просьбы этой и в Москву приехал, – ворохнулся в тесном кресле Пожарский меньшей.

Он встал, прошёлся по Грановитой палате, в которой они разговаривали, снова уселся, и опять встал. Михаил не торопился, понятно не простой вопрос. Но ведь нельзя не помочь. Что про Россию в Европе подумают? А влезать в войну с имперцами? Лучше ли?

– Али не решил ещё, Петруша? – прервал, наконец, молчание Михаил.

– С Валленштейном и Тилли вершиловцы справятся, – вздохнул Пётр Дмитриевич, – Не в этом проблема. Я ведь собирался весною идти на Крым. В Днепропетровске огромный флот готовят. Со всей страны я туда корабелов собрал. Доски, железо, парусину, канаты завожу. За год войны с немцами не закончить. Пропустим удачное время, когда султан с Гиреями воюет. Этого нельзя допустить ни в коем случае. Может за сто лет единственная возможность усмирить Крым и не втянуться в тяжёлую затяжную войну с Портой, – Пётр снова вылез из кресла.

Михаил не перебивал, а когда Пётр замолчал, прохаживаясь от кресла к окну и назад, только поворачивал голову, за лицом князя Пожарского наблюдая. Тяжело Петруше, вон желваки играют.

– Что же посоветуешь, Пётр Дмитриевич? – не выдержал первым молчанки Романов.

– Отпиши ему, Великий Государь, что войско собираешь. А пока я тысячу новых мушкетов отправлю и сто тысяч рублей разрешу в копенгагенском отделении банка «Взаимопо-

мощь» Кристиану взять под низкий процент.

– И потом что? – напрягся Михаил.

– Шведский период тридцатилетней войны, – очень тихо произнёс Петруша, но Михаил услышал.

– Шведский, тридцатилетней?

– Прости, Михаил Фёдорович, задумался. Нужно тебе Густаву Адольфу письмоцо написать. И я от себя напишу. Пусть вступает в войну с католиками. Пусть покажет, на что шведы способны. Пусть докажет, что обманом мы его победили, а не силой. Напиши, что если хочет он державу свою увеличить, то пусть северогерманскими землями и увеличивает. Там города богатые, населения много, порты незамерзающие. Только Пруссию пусть не трогает. Её мы потом, после того, как с Валленштейном разберёмся, себе заберём.

– Так Прусское герцогство вассал Речи Посполитой? – напрягся Михаил.

– Фактически, теперь у них герцог Георг Вильгельм Гогенцоллерн – курфюрст Бранденбурга. Сейчас Валленштейн вторгся в его владения, хотя Георг этот и высказал лояльность к императору. Думаю, когда через два года мы туда войска введём, он рад будет Прусское герцогство нам отдать, лишь бы мы его от имперцев защитили. Но до этого дожить нужно. А сейчас нужно любыми способами подтолкнуть Густава Адольфа к войне с католиками. Зови, Государь дьяка Фёдора. Будем письма писать.

– Петруша, а что ты сказал про тридцатилетнюю войну? –

не дал себя сбить с мысли Михаил.

– Астролог мой – Иоганн Кеплер предсказал, что война эта будет длиться тридцать лет и закончится только тогда, когда на севере империи людей почти не останется, голод и чума приберут людей в сотни раз больше, чем пули, да копья. Пусть пока веселятся. Друг друга истребляя. Пусть кредиты у меня на войну берут. Пусть мушкеты покупают и продовольствие. Война всегда выгодна той стороне, которая в ней не участвует, а продаёт товары обеим враждующим сторонам.

– Страшно ведь это. Города пустые, – трижды перекрестился император.

– Страшно, когда бояре свою страну в пустыню и погосты превращают.

Событие восьмое

Кристиан IV король Дании и Норвегии, правитель вендов и готов, герцог Шлезвига, Гольштейна, Сиормана, Дитхмарса, Лоэнбурга и Ольденбурга сидел на жёстком стуле, понутив голову, и прихлёбывал подогретое красное вино.

А ведь всё так хорошо начиналось. К концу 1624 года ему удалось получить для своих сыновей несколько северо-германских епископств. Фредерик был проведён в епископы-коадьюторы Бремена, Вердена и Гальберштадта, а младший сын Ульрих был избран коадьютором князя-епископа

Шверина, где его дядя Ульрих II служил князем-епископом. Кроме этого в 1622 году Ульрих получил сан каноника Бременского собора. А когда его дядя Ульрих II внезапно умер в 1624 году, Ульрих и его бабушка, датская королева София Мекленбург-Гюстров, присутствовали на похоронах и погребении в монастырской церкви в Бюцове. София успешно поспособствовала правопреемству Ульриха в качестве князя-епископа Шверина, хотя ему было всего 13 лет.

Продолжающаяся война в империи тоже привела к укреплению позиции Дании. Продвижение на север Германии католической армии под предводительством Тилли спровоцировало ответную реакцию лютеранских правителей Северной Германии. Князья и города, ранее воспринимавшие Данию как угрозу своему влиянию на Северном и Балтийском море, по мере приближения Тилли начинали видеть в датском короле Кристиане IV чуть ли не единственного защитника лютеран. Франция, Англия и Республика Соединённых провинций обещали поддержать короля финансово.

А вот дальше начались трудности. Государственный совет ни в какую не соглашался давать денег на войну. Вообще был чуть ли не единогласно против этой войны. Главным их аргументом было то, что союзники ненадёжны. Тогда Кристиан решил воспользоваться тем, что он является герцогом Шлезвига и Гольштейна. Двигали им далеко не амбиции и только в последнюю очередь религиозные чувства. Двигали королём политические соображения, в особенности же-

ление разъединить западные государства со Швецией и усилить влияние Дании в Северной Германии. Получив деньги от Франции и Голландии, Кристиан IV уже весной 1625 года выступил против Тилли во главе наёмной армии из 20 тысяч солдат.

Все потенциальные сторонники, на которых рассчитывал король, были заняты своими делами и не смогли оказать ему ни какой поддержки, за исключением небольшой денежной подачки. В Нидерландах Спинола после длительной осады взял ключевую крепость Бреда. Дюнкеркские каперы, науськанные испанской короной, грабили голландские суда. Во Франции началась гражданская война – поднявшие восстание и поддерживаемые Англией гугеноты были осаждены в крепости Ла-Рошель. В самой Англии, похоже, назревала гражданская война. Карл тоже не смог справиться со своим парламентом. Прав оказался Государственный совет. Зря он не послушал канцлера Кристиана Фрииса Крагерупа. А ведь того подержали семнадцать дворян из девятнадцати. Ригсрод словно в воду глядел.

Дальше всё шло только хуже и хуже. Протестантские курфюрсты Саксонии и Бранденбурга, конкурировавшие с Данией за контроль над Оснабрюкским и Хальберштадтским епископствами и опасавшиеся её усиления, заявили о своей лояльности императору. В 1625 году никаких серьёзных боевых действий не происходило. Свиристествовавшая по всей Европе чума не обошла и армию католиков. В 18-тысячной

армии лиги во главе с Тилли 8 тысяч были больны чумой; они вынужденно разместились у небогатого епископа Хильдесхаймского. Войска Валленштейна квартировали в богатых Магдебурге и Хальберштадте. Избранный главой граничившего с Данией Нижнесаксонского округа, Кристиан разместил там свою армию и производил набор рекрутов. Под его знамёна встали и Мансфельд, и Христиан Хальберштадский.

По предварительным договорённостям протестантов предполагалось проведение трёх независимых операций для разделения сил противника. Мансфельд должен был начать наступление на оплот Валленштейна – Магдебургское архиепископство – и, увлекая его за собой, по возможности обойти и двигаться в Силезию на соединение с Бетле-ном Габором. Христиан Брауншвейгский, командовавший плохо вооружёнными и слабо дисциплинированными войсками, набранными из крестьян, тех земель, по которым он проходил, должен был, обходя Тилли, пробиться в Гессен и, объединившись с ландграфом Гессен-Касселя Морицем, напасть на Тилли в Рейнланде с тыла. В то же время Кристиан VI, продвигаясь по Везеру, должен был нанести Тилли мощный фронтальный удар.

На самом деле план оказался невыполнимым. Когда Христиан Брауншвейгский всё-таки провёл своё войско через границу Гессена, опасавшийся за свои владения ландграф Мориц Гессен-Кассельский категорически отказался под-

держатъ его в борьбѣ с императоромъ. Зато в войско вступил его старшій сын от второй жены Юлианы Нассау-Дилленбургской – Филиппъ. Разочарованный и обескураженный Христиан Брауншвейг-Вольфенбюттельскій Младшій отступил в Вольфенбютель и перешёл к партизанскимъ дѣйстви-ямъ, в которыхъ имѣлъ некоторый успѣхъ. Однако вскоре Христиан тяжело заболѣлъ и умер в Вольфенбюттеле 16 июня 1626 года.

14 апреля на Эльбѣ, возле Дессау, Мансфельд наткнулся на имперскіе войска под командованиемъ Альдрингена, удерживающіе мостъ. Иоганн фонъ Альдринген располагалъ 86 пушками, его войска были хорошо укрыты в траншеяхъ. Мансфельд недооценилъ силы противника, и отдал приказъ атаковать, однако атака закончилась неудачей. Силы протестантовъ значительно превосходили имперскіе войска, и Альдринген (получившій за это сраженіе титулъ барона от императора) послалъ за помощью к Валленштайну, располагавшемуся со своей арміей в Ашерслебенѣ. С прибытіемъ Валленштайна силы католиковъ возросли до 20 тысячъ чело-векъ.

Рѣшающее сраженіе состоялось 25 апреля. Все атаки графа Петра Эрнста II фонъ Мансфельда на имперскіе позиціи были отбиты, а Валленштейн атаковалъ позиціи протестантовъ с фланга. В ходѣ боя в распоряженіи Мансфельда взорвались возы с порохомъ, что привело к гибели большаго количества протестантскихъ солдатъ и вызвало панику. Потерявъ треть

армии, Мансфельд начал быстро отступать, по пятам преследуемый Валленштейном. Следуя первоначальному плану, отступал он в Венгрию.

Сам Кристиан практически не владевший всей этой информацией, тем не менее, решил воспользоваться разобщением сил противников, он, как и планировалось первоначально, начал наступление на юг, рассчитывая пробиться в центр Южной Германии. Узнав об этом, Тилли, получивший 8-тысячное подкрепление от Валленштейна, двинулся ему навстречу. Кристиан IV немедленно развернулся и попытался вернуться на свою базу в Брауншвейг, однако 27 августа Тилли настиг его и Кристиан был вынужден принять бой возле деревни Луттер-Ам-Баренберге.

В четырёхдневном сражении, начавшемся 24 августа 1626 года, датский король и 21 тысяча его солдат, были побеждены имперско-испанской армией под командованием генерал-лейтенанта графа Тилли (24 400 человек). Имперская пехота трижды прорывала датские линии, однако каждый раз была отбита кавалерийской контратакой. Однако датским войскам всё труднее становилось удерживать свои позиции, и когда вся датская артиллерия оказалась захваченной имперцами – датские войска охватила паника, и они отступили по направлению к Штаде. Датчане потеряли около 4000 убитыми. Тилли захватил 2000 пленных, 22 пушки, 60 знамён и 7 штандартов. Потери победителей составили только 700 человек. Король с трудом пробился через по-

рядки противника и бежал в Брауншвейг. Всё могло, может быть, кончиться по-другому, но в решающий момент немецкая конница отказалась принять участие в боевых действиях. В этой битве кроме всего прочего погиб и сын ландграфа Морица – Филипп Гессен-Кассельский.

В Брауншвейге Кристиан первым делом написал письмо с просьбой прислать деньги и войска в Лондон, Париж, Москву и Голландию. Пока все молчали. Спасало короля от немедленного разгрома две вещи. Во-первых, по войскам католиков, да и по всей северной Германии, опять прокатилась эпидемия чумы. Во-вторых, голод. Чума и военные действия, мобилизация крестьян в армию и обоз, грабёж продовольственных отрядов, высылаемых во все стороны армиями противников, холодное лето и ранняя осень привели к тому, что в богатых до войны областях Северной Германии разразился страшный голод. Мародёров и грабителей стало больше чем крестьян. Деревни вымирали полностью. В городах люди не успевали хоронить умерших, они так и лежали на улицах, в домах, во дворах, там, где их заставляла чёрная смерть или смерть от голода.

Событие девятое

Густав II Адольф перечитал послание, что он собирался отправить королю Франции Людовику.

«Мы Густав II Адольф, по благодати Бога Король шведов,

готов и вендов, великий князь Финляндии, герцог Скании, Эстони, Лифляндии и Карелии ...».

Нет. Зачем обманывать себя и выглядеть хвастуном в глазах возможных союзников. Напишем просто: «Король шведов, готов и вендов...». Земли, отошедшие к России, не вернуть. Попытаться можно. Всё же, то войско непобедимое – всего один полк, где-то в сотнях и сотнях миль. Пока до них дойдёт весть о захвате Финляндии, и пока этот полк соберётся и проделает эти сотни миль, можно укрепить крепости, понастроить ловушек. Нет. Не время. Рано ещё.

Все прошедшие два года король не сидел во дворце и не оплакивал потерю земель. Он занимался реформами. Самое же первое, что он сделал, это отправил в Вершилово шпионов. Были отобраны молодые честолюбивые дворяне, знавшие в совершенстве немецкий язык. Таких оказалось пару десятков. Из них сам Густав Адольф вместе с канцлером лорда Хая графом Акселем Густавссоном Оксеншерной выбрал четверых самых толковых и отправил в Россию. Цель ясна – вступить в армию князя Пожарского и научиться там всему, чему только возможно. Двое исчезли. Скорее всего, их разоблачили и казнили. А вот двое других в прошлом году, после завершения разгрома Речи Посполитой сбежали и сумели через Польшу и Пруссию добраться до Упсалы. Ни один из четверых отправляемых шпионов не знал о существовании трёх других, а, следовательно, не мог, в случае разоблачения, кого либо, выдать. Более того, все четверо бы-

ли уверены, что никого другого в Вершилово не посылали.

Вот теперь эти двое тренируют два вновь набранных полка. Выслушав по возвращении смельчаков и оценив их умение, король сделал главный вывод – воин это профессия. Точно такая же, как плотник или кузнец. Если ты стал военным, то должен целыми днями тренироваться, не думать, как прокормить жену и детей, не думать, как приготовить себе пищу, не думать где взять денег, чтобы купить оружие и форму. Думать ты должен только об одном, как стать непобедимым. Как быстрее заряжать мушкет, как точнее и быстрее стрелять из пушки, как делать перестроение не разбивая строя. Как проходить за день расстояние в пятьдесят вершиловских километров (шведская миля равна 6000 фамнам или 10689 метрам) или в 5 миль.

Сейчас три полка, что Густав Адольф оставил после позорного мира, заключённого в Нарве, снабжены в необходимом количестве полевыми кухнями. Кем бы ни был князь Пожарский, он великий полководец. Придумал вещь, которая в два раза увеличивает путь, что может за один день проходить пехота, да и кавалерия тоже. И что гораздо более ценно, в войсках никто не мается желудком, нет потерь практически на марше. А облегчённый мушкет? К началу реформ Густава-Адольфа мушкет весил около 11 килограмм, был очень неудобен в обращении, а стрелять из него приходилось, используя особую подпорку в виде рогатины (сошку). Теперь с помощью шпионов, прошедших обучение в Верши-

лову, Густав-Адольф уменьшил вес мушкета до 5 кг. Кроме того, он принял на вооружение патрон – заранее изготовленный заряд, в который засыпалось определённое количество пороха, это позволяло добиться уменьшения времени заряжания, к патрону прикреплялась пуля (в виде шарика) чуть уменьшившаяся в весе. В итоге на свет появился совершенно новый мушкет – более лёгкий и удобный в обращении, его было легче заряжать, а скорострельность его достигала одного выстрела в минуту. Изготовить ружьё, заряжаемое металлическим патроном, как в Вершилово шведские оружейники не смогли. Патрон сделали бумажным и продолжали заряжать как обычно, но и скорость заряжания увеличилась, и теперь не стоило бояться того, что мушкетёр в пылу боя пересыпит пороха или затолкает две пули. Частенько раньше разрывало ствол, калеча горе стрелка.

Удалось оружейникам Швеции повторить и батарейный кремнёвый замок. Француз ле Буржуа ведь очень давно изобрёл свой замок, почему же никто кроме князя Пожарского не додумался полностью оснастить своих мушкетёров этим оружием? А вот чего точно не удалось перенять у русских, так это их пулемёты. Оба шпиона были рейтарами в полку Пожарского, и пулемёты видели, и их действие на пехоту и кавалерию противника описать смогли, а вот устройства не видели. К пулемётам, стрельбе из них и обслуживанию, были допущены только русские. Десять стволов? Ну и что? Как добиться непрерывной стрельбы? Конечно,

для этого нужен цельнометаллический патрон. Только ведь этого недостаточно. Как подать этот патрон в ствол? А как сразу в десять стволов?

Усовершенствовать пушки по подобию вершиловских тоже не удалось. Там тоже цельнометаллический патрон. И там не порох. И там не ядро, а граната. Но как это сделать? Тем не менее, артиллерией король тоже занимался. Ему удалось снизить вес пушки, уменьшив количество металла в дуле: он сократил его длину и уменьшил толщину. Помимо этого, Густав Адольф ввёл в обращение порох улучшенного состава, изготавлившийся по строго определённым соотношениям. В результате, хотя дуло и уменьшилось в длине, выстрелы не стали менее точными, а баллистическая мощь пушки сохранилась на прежнем уровне, несмотря на облегчение дула. Ну и собранный из бумаги и ткани патрон с порохом, подаваемый в ствол, существенно уменьшил время на заряжание орудия.

Густав II Адольф ввёл три стандартных калибра: 24-фунтовая, 12-фунтовая и лёгкая 3-фунтовая пушка. Чтобы усилить контроль за правильным использованием артиллерийских орудий, он отказался от распространённого раньше обычая нанимать пушкарей из гражданских лиц и создал отряды военных канониров, которые так же, как пехота и конница, должны были проходить обучение и соблюдать дисциплину.

Кроме новых мушкетов, новых пушек и новой систе-

мы тренировок армия получила и новую тактику. В начале XVII столетия основным способом построения войска в европейских странах являлось испанское каре. Каре (то есть «квадраты») представляли собой широкие колонны, состоящие из пикинеров и мушкетёров, выстроенных бок о бок в боевой линии. Довольно неповоротливая артиллерия обычно помещалась впереди колонн, как правило, под защитой кавалерии. Дополнительные отряды конницы защищали фланги каре.

Густав-Адольф преобразовал такую систему колонн по образцу князя Пожарского. Раз увеличилась дальноточность и скорострельность огнестрельного оружия, то можно строить мушкетёров и пикинеров (доля которых в войске сильно уменьшилась) более узкими линиями, в каждой из которых было не более шести солдат. Несколько отдельных подразделений, выстроенных бок о бок такими линиями и разделённых промежутками, представляли собой более длинную линию. Следуя примеру вершиловцев, в шведской армии использовали обычно две такие пехотные линии, а третья линия находилась в резерве. В промежутки между линиями пехоты Густав поместил кавалерийские отряды и артиллерию. Для обороны флангов он располагал на флангах кавалерию, впрочем, и небольшие мобильные отряды пехоты также могли в случае необходимости защитить фланги войска.

Кроме того, Густав Адольф внёс усовершенствования и в

тактику кавалерии, соединив лучшие черты немецкого «караколе» и применявшейся русскими сабельной атаки: поэтому шведская конница обладала как высокой огнестрельной мощностью, так и способностью нанести сильный удар противнику. Густав Адольф обучал пехоту, артиллерию и конницу согласованным действиям. Ведь главное, что выделил король из рассказов шпионов это координированные действия разных родов войск у князя Пожарского. Пехотный эскадрон армии Густава Адольфа состоял приблизительно из пятисот солдат. По примеру вершиловцев за ним закрепилось французское название – «батальон». Батальон состоял обычно из четырёх отрядов. Три батальона объединялись в боевые бригады, получившие название полк. Командующим полком был полковник; батальоном – лейтенант-полковник; отрядами – капитаны. Им подчинялись лейтенанты.

Но только армией король не ограничился. Занялся он и своими непосредственными помощниками в управлении страной. С прошлого года Государственный Совет возглавлялся пятью Великими Чиновниками Сферы, каждый возглавляющий отделение государственного управления:

Riksdrots – Лорд Хай Стюарт (или юстициарий лорда Хая)

Riksmark – Лорд Хай Констебл

Riksamiral – Адмирал лорда Хая

Rikskansler – Канцлер лорда Хая

Riksskattmästare – Казначей лорда Хая.

Густав Адольф исправил письмо Людовику и прочёл ещё

раз, в десятый, наверное. Он просил денег. Швеция сейчас маленькая нищая страна, которой даже запретили иметь венный флот. Хотя был в этом и плюс. Военный флот – это большие, вложенные в никуда, деньги. Лучше иметь торговый. Устраивать морские баталии глупость. Лучше иметь корабли, которые будут торговать и приносить прибыль, а если понадобится, то перевезут армию на материк. Кристиана Датского разбили имперцы. Сейчас наёмники и датчане отступают к своим островам. Густав Адольф предлагал Людовику в случае предоставления финансовой помощи высадиться на северогерманском берегу и атаковать имперцев с фланга и тем самым спасти Протестантскую лигу от полного разгрома.

Кроме этого письма было написано и письмо к императору Михаилу, и у него король просил денег, ну и «благословения», на войну с католиками.

Глава 4

Событие десятое

Иван Охлобыстин шёл по лесу, что начинался у западной окраины Вершилова, в сторону болот. Шёл к якам. Количество лохматых коров за последний год серьёзно выросло, теперь их уже целое стадо. Ещё раз, третий уже, пригнал в Уфу пять яков китаец или другой басурманин, кто их разберёт, тем более что самого продавца Иван и не видел. Осенью приплыли лодьи с последней партией железа из Миасса, вот они и привезли пять яков, три самца и две самки и кроме того пять огромных тюков дорожущего чая. Чай этот главному животноводу Вершилова не нравился, медовый сбитень с травами и ароматней и вкусней и полезней для человека, как травницы говорят. Только если князю Петру Дмитриевичу хочется его пить, так и на здоровье. У нас, блин – «демократия». Это так шутит сам князь Пожарский, когда кто-нибудь упирается и делает всё неправильно. Кроме приплывших из Китая было пополнение и собственное, шесть телят родилось в июне. Сейчас у них снова гон, вон трубный рёв быков и за пару километров слышно. А ведь в другое время кроме тихого похрюкивания от них никаких звуков не до-

ждёшься.

Сегодня праздник Покрѡва Пресвятой Богородицы – 14 октября по новому стилю. Как раз и снег со вчерашнего вечера идёт. Не так чтоб уж совсем снегопад. Падают редкие крупные снежинки, покрывая траву и ветви деревьев пушистым ковром. Лес сильно за восемь лет последних изменился. Первым делом-то Пётр Дмитриевич запретил рядом с Вершилово лес валить, и лесников набрал, чтобы присматривали первое время за непонятливыми. Лесники и пеньки вскоре извели и ямы от заваленных в прошлом сосен и елей землѣй присыпали, сравнивали. Особенно изменился лес, когда стали переселенцы в новые городки на Волге и Белой молодые деревца с собою брать. Весь подвой выкопали. Сухие и больные деревья сразу вырубаются, кустарник, и упавшие ветви детишки летом на растопку забирают. Красота получилась. Ни буреломов, ни каких, ни пней, ни непролазных зарослей малинника. Видно на сотни метров в любую сторону. Да и новые обитатели леса порядок помогают наводить. Яки, зубры, олени, туры и прочие великаны всю траву выщипывают. Даже дышится сейчас в лесу по-другому. Вольно.

У яков Охлобыстин несколько дней не был. Занят был. Роды принимал. И не у кого-нибудь. У слониhi! У слонов, по словам приставленного к ним кызылбаша Дэрэявэхуша, что с персидского переводится как – богатый, беременность длится 22 месяца. А отплыли они из Персии чуть более года назад, выходит, обе слониhi были уже в тягости. Скоро

ведь и вторая разродится, со дня на день ждём. Кызылба-шами, оказывается, персов называют из-за того, что им по-ложено носить шапку с 12 пурпурными полосками в честь 12 шиитских имамов. Переводится это как – «красноголо-вые». Если бы не красноголовый Дэрэявэхуш, слоны давно померли бы. Ни кто ведь не знает на Руси ни как их кор-мить, ни чем кормить, да и сколько надо еды этим серым великанам неизвестно. На воле слоны, как рассказывал Дэр-эявэхуш, питаются преимущественно ветками деревьев и ку-старников, травой, фруктами. Взрослый слон съедает за день около 250 килограмм пищи и выпивает до 250 литров воды. В зоопарке Вершилова большую часть их питания составля-ют ветки деревьев, собранные в веники. Пацаны, что помога-ют Ивану, наловчились ломать ветки вербы, растущей вдоль берега Волги, на каждого слона приходится в сутки по 40 вербовых веников – порядка 8 килограмм. Сена и травы сло-ну дают по 30 килограммов и ещё несколько килограммов соломы, 7 килограмм овса, 1 килограмм отрубей, несколь-ко булок хлеба. Кроме того летом слонам давали фрукты и овощи: яблоки, морковку (15 килограмм), свёклу (5 ки-лограмм), капусту (5 кило). Получали слоны и картошку, но только в варёном виде. Иногда серым исполинам давали даже немного лука. Интересно, что капусту слоны не едят целиком, а сначала кладут её на пол и слегка раздавливают ногой.

Сейчас зимою тяжелее будет. Но ничего страшного, ведь

и свёкла и морковь есть, капуста тоже никуда не делась. Яблок наморозили. Да и веников полно пацаны засушили, распариваем сейчас и даём прожорливым гигантам. Плохо, конечно, им зимою придётся. Это ведь не Индия.

Слониха может рожать не чаще, чем один раз в пять лет, огорчил Петра Дмитриевича перс. Так что следующего пополнения зоопарка ждать долгонько придётся. Вес слонёнка получился 85 кило. Это почти в три раза больше, чем обычный телёнок у коровы рождается, или в два раза больше верблюжонка.

Верблюжат в этом году тоже более полусотни народилось. В следующем году уже будем вместе с переселенцами верблюдов в города на Волге и Белой отправлять. Там степи, пусть пасутся на вольных хлебах и шерсть для ковров дают.

Вторую слониху прислал из Исфахана доктор Али ибн Рустам Орипов, что остался следить за здоровьем шаха Абазы. Он ранней весной на деньги, что получил за лечение шахиншаха, купил эту слониху и отправил в Вершилово на персидском бусе. Кроме слонихи и другие товары на корабле были. Шёлка много и дорогой материи из него, необработанной бирюзы, или, как называют её сами кызылбаши – «физрузэ» – «камень счастья». В письме главный шахский лекарь писал, что Абаз подарил ему большой дом в центре Исфахана и хочет он в нём открыть лавку, что будет торговать товарами из Вершилова. Если Пётр Дмитриевич за слониху, шелка и бирюзу пришлёт стеклянные и фарфоровые вазы

и другие изделия, бумагу, ткань, меха, то сможет Али всё это выгодно продать, а назад снова отправить редких животных и шёлк и разные необработанные драгоценные камни для вершиловских ювелиров. Князь Пожарский, когда рассказывал Ивану про оборотистого доктора, всё сетовал, что вот нет в русских этой жилки, не могут они так на ровном месте придумать способ обогащения. Подталкивать их всегда надо. Ещё Орипов писал, что следующей весной отправит целых два буса и обязательно пришлёт на них коров великанов из Индии. Видел он этих коров в Персии, называются они «гаял» или «гаур». Длина тела гаура достигает более трёх метров. Высота в плечах доходит до 2,3 метра, а его вес может достигать 1,5 тонны, и даже доходить до 2 тонн. Самка весит поменьше около 1300 килограмм. Шерсть бурая, с оттенками от красноватого до чёрного. Рога в среднем 90 см в длину и выгнуты вверх в форме полумесяца.

Интересно будет на этих гигантов посмотреть, ведь больше чем туры тогда они получают. Правда, опять очень теплолюбивое предстоит пополнение. Для слонов построили огромный дом из дерева, и пять печек по бокам за кирпичной стеной разместили в разных местах. Так уже сейчас, в октябре, они к стенкам жмутся. Холодно беднягам. Зато детворе вершиловской радость. Новая забава у них появилась. Слоны оказались сладкоежками. Принёс как-то Иван Дмитриевич Пожарский ватрушку с творогом и мёдом и угостил слона. Слон ватрушку съел и за добавкой к княжичу

потянулся. Всего его хоботом обыскал, даже за пазуху залез. На следующий день уже десяток пацанов прибежали с ватрушками и специально их под одеждой спрятали. А слоны учуяли лакомство и стали мальчишек обыскивать. Визгу-то. Хохоту. Через неделю уже и хлеб перестали серым сладко-ежкам давать, Дэрэявэхуш ругается, что так и заболеть слоны могут. Пришлось ограничить количество желающих быть обысканным слонами. Всё равно больше часа это представление занимает. Смотрит каждый день Иван на это, улыбается и слёзы, что на глаза набегают, исподтишка смахивает. Радостно ему за детвору, вон как интересно и сытно им живётся, вспоминает своё голодное детство. Как здорово, что появился у них в Вершилово восемь лет назад княжич Пётр Пожарский. Жаль не родился и не приехал сюда он на десять лет раньше. Было бы и у Ивана Охлобыстина счастливое детство.

Событие одиннадцатое

Епифан Соловый потянулся на кровати и прислушался. Потрескивали дрова в большой центральной печи, что называется голландка, лаяли на улице собаки, напевала что-то заунывное жена, укачивая дочку. В комнату из-за неплотно прикрытой двери пробивались запахи. Пахло парным молоком, свежим, только испечённым хлебом, но всё перебивал запах гречневой каши с мясом. Господи, как хорошо дома.

Отряд казаков и стрельцов под командованием Епифана только позавчера вернулся в Миасс. А вышли ведь сразу, как лёд тронулся, по половодью, в самом начале мая. На это раз шли на лодьях. Три большие новые лодьи, что сделали мориски, могли принять на борт до сорока человек каждая, но столько народу отвлекать от строительства и производства мэр Миасса Никита Михайлович Шульга не дал. Отправилось с Епифаном по весне семь десятков человек, включая самого сотника, башкира толмача Темира, торгута или калмыка Айтина – по ихнему «Звонкий», что не захотел уходить из Миасса, когда отпустил Шульга пленного тайши, и самого важного участника «экспедиции» картографа гишпанского Карлоса Хосе. На этот раз гору искать не надо было. Другое задание пришло от неведомого князя Пожарского. Нужно было исследовать и нанести на карту верховья реки Тобол и его притоков.

Лодьи перегружены были. Кто его знает, удастся ли вернуться осенью, может ведь и зимовать придётся. Правда, Никита Михайлович напутствовал экспедицию увещеваниями не геройствовать и в конце июля или начале августа назад повертаться. Никаких спешных дел на том Тоболе нет. Просто нужно нанести всё на карту, да проверить слова местных, что вдоль Тобола проходит дорога, коей купцы бухарские пользуются. Неплохо было бы наладить торговлю с Бухарой. По дороге ещё нужно зайти в Тюмень. Ну, не совсем, понятно, по дороге. Чуть дальше придётся по Тоболу проплыть

и потом свернуть в Туру, но путь этот знакомый и места вполне безопасные. В Тюмени должны были расторговаться. Чугунные казаны да сковороды предложить, ткань шерстяную, стекло для окон, ну и прочего всего, что производят в Миассе. С тюменцев же просить пушнину, что ещё можно у них взять. Разве что просил князь Пожарский орех кедровый спрашивать, но Елифан в Тюмени был и про этот орех ничего не слышал. Где-то севернее, наверное, кедровые растут.

Неприятности начались в Тюмени. Если это можно назвать неприятностями. Плохо всё получилось, и чем теперь закончится неизвестно. А случилось так. Приплыли к пристани уже на закате и даже сойти на берег ещё не успели, а тут сразу прибежал дьяк и говорит, что городово́й воевода Плещеев Иван Васильевич только что прибывший на смену князю Михаилу Борисовичу Долгорукому требует старшего к себе в крепость. Елифан Плещеева знал, ну как знал, не ручкался, понятно, и вино заморское с ним за одним столом не пивал. Был казак Соловй в войске воеводы Плещеева, что потерпело поражение от литовского полковника Струся под Москвой.

19 марта 1611 года небольшие отряды поляков, загнанные и запертые в Кремле и Китай-городе, боясь восстания среди населения, решились на самое крайнее средство – поджог Москвы, когда народ разбежался из объятых пламенем города, а к полякам, запертым в Кремле, спешил на помощь сильный отряд под начальством полковника Миколая Стру-

ся, тогда Плещеев и был выслан с передовым отрядом, чтобы преградить ему дорогу к пылающей Москве. Плещеев подошел вовремя, но был разбит и вынужден отступить. Епифана ранили в тот день болтом из арбалета. К счастью болт потерял всю силу, пробивая трофейную кирасу надетую казачком. Много с тех пор воды утекло. Епифан вон целым сотником стал. Что ж, делать нечего пошёл сотник за дьяком.

Сначала-то спокойно разговаривали, но только до того момента как узнал Плещеев, что миассцы приехали торговать в Тюмень. Мзду потребовал воевода и цифру назвал за предельную. Сто рублей! И обязательно золотом.

– Побойся бога, Иван Васильевич! Где я тебе такую деньгу найду! – осенил себя троекратно Епифан.

А воевода в крик, что тогда всё отберёт, а людишек с Миасса объявит холопами беглыми и в железа закуёт.

– Не будет такого, – усмехнулся чуть сробевший сначала Соловый, – У меня грамотка царёва есть, что вольны мы торговать на территории всей Российской империи беспошлинно три года. Так ещё и года не прошло, – по мере того, как говорил, стал успокаиваться Соловый и грамоту Государя уже спокойно Плещееву протянул.

Воевода грамоту взял, прочёл и вдруг топнул ногой и порвал её, а потом и закричит:

– Васька, Фрол вяжите его!

Из-за двери выскочили два стрельца и, правда, попытались схватить Епифана. С кем другим, может, и удалось бы.

Только полтора года проведённые в Миассе среди вершиловских стрельцов, что обучал казацким ухваткам князь Пожарский, дали сотнику многое. Таковую ситуацию тоже отработывали на тренировках. Соловый чуть присел и левой ногой, пяткой, пнул по голени того стрельца, что левую руку и крутил. Тот, понятно, руку выпустил и, заохав, принялся на одной ноге скакать. Сотник ждать и наслаждаться этим зрелищем не стал, он не поворачиваясь, шагнул назад и когда стрелец перенёс центр тяжести на одну ногу, сделал ему заднюю подсечку. Бабах, всей немалой тяжестью врезался в пол несчастный. В это время воевода вытащил кинжал из дорогих ножен, персидский явно, и попёр на Елифана. Шаг вправо, воевода тыкает туда кинжалом, но Солового там нет. Он только обозначил движение, сам же крутанулся на этой ноге, и со всей силы ребром ладони заехал Плещееву по левому уху. После чего вырубил окончательно поднимающегося стрельца и коленом успокоил второго. Огляделся. Никто больше на него не нападал. Только давешний дьяк прятался в углу, изображая брошенную на лавку кучу тряпок.

– Видаком будешь, что вор Ивашка грамоту Государя-императора порвал и вопреки указу Государя мзду с меня требовал! – выхватил дьяка на центр горницы Елифан.

Тот закивал и начал что-то блять про самоуправство.

– Ты, крапивное семя, сейчас сядешь и всё это опишешь в грамотке, а я пока воеводу с собой заберу. Как напишешь, приноси на пристань. Там ждать буду, – сотник встрях-

нул Плещеева, и, уперев ему, кинжал в бок, поволок вниз по лестнице.

Он и не помнил, как добрался до своих. Только, сунув голову в воду, чуть успокоился. Посовещались со старшими на лодьях. Решили пока подождать. Воевода уже не гавкал, сидел, кровавую юшку из носа по бороде размазывая, у, наполовину вытащенной из реки, лодьи, и глазами только зло зыркал. Дьяк пришёл не один. С пятью десятками стрельцов пришёл и с товарищем воеводы Ярлыковым Иваном Ивановичем.

– Кто вы и почто разбой творите? – громко начал второй городской воевода, но Епифан видел, что успел он о случившемся дьяка расспросить. И теперь не знал Ярлыков как себя вести. Не знал кто эти люди в одинаковых необычных кафтанов болотного цвета. Не знал по силам ли тюменцам одолеть семь десятков вооружённых невиданными им мушкетерами пришлых. Не знал что делать.

– Вор Ивашка Плещеев сейчас грамоту Государя порвал и мзду требовал с товара, что по наказу князя Пожарского мы привезли на продажу, хотя в грамоте указано, что торговать бы должны беспопшлинно, и что в случае поборов неправедных виновного надо в железа имать и в Разбойный приказ в Москву доставлять, – Епифан шагнул вперёд и протянул воеводе разорванную надвое грамоту, со свисающей с одной половинки восковой печатью.

Кончилось всё более-менее мирно. Вид грамоты и имя

князя Пожарского пыл тюменцев охладили. И расторговались хорошо. Почитай все меха, что на руках были у местных, перекочевали к миассцам. Десяток мешков полных набили мягкой рухлядью. Так и понятно, население Тюмени тысячи полторы и всем и посуда железная нужна и ткань отменная и прочие чудеса миасские. Плещеев прощения у сотника просил и в знак примирения дорогую турецкую саблю преподнёс в позолоченных ножнах со вставками бирюзы. Так и кинжал персидский, что в драке достался Епифану за ним остался. Забоялся воевода его назад требовать. Жаль без ножен он.

Из Тюмени выплыли пятого июня. Вода в реке уже спала, и подниматься против течения было не тяжело. Берега в основном были безлюдны, только один раз за седмицу встретились с татарами, что привели пару десятков коней на водопой к реке. Только, увидев три большие лоды и несколько десятков вооружённых русов, те поспешили убраться подальше от берега. А вот на следующий день лоды пристали к берегу ещё до полудня, да так дальше и не пошли. Река в этом месте поворачивала и текла как бы с восхода на закат. На левом или северном берегу высился огромный курган, а вокруг него был выкопан ров и насыпан вал, ширина рва была 13 метров при глубине 1 метр, при этом в нем имелось два разрыва шириной до 18 метров. Вал был высотой с лишком полторы сажени, то есть около 3,3 метра. Епифан с десятком своих казаков излазил все укрепления, но не на-

шёл ни одного каменного или деревянного строения. Только поросшие травой рвы и холмы. Если здесь и стояла раньше крепость, то или она была полностью сделана из земли и глины, либо всё деревянное сгорело и сгнило за десятки, а то и сотни лет. А вот место сотнику понравилось. Высокий берег, уже готовый ров и большой холм, на котором можно построить сторожевую башню. Вот только нужно доставить сюда по реке лес. Хотя перезимовать здесь без дров будет не просто. Морозы зимой лютые бывают.

После остатков крепости без малого полтора ста вёрст река шла почти прямо на полдень, может, лишь чуть отклоняясь к заходу. Потом Тобол поворачивал на запад и тёк так вёрст с полсотню. Дальше проплыть было труднее, перекасты и мели и раньше встречались, сейчас же пошли прямо сплошь. Только и успевай в воду прыгать и пытаться волоком лодью через перекат перетащить. Промучившись так две седмицы, и пройдя всего, может, с сотню вёрст, решили возвращаться. Тем более что июль уже к концу подходил. Получается не полностью они задание князя Пожарского выполнили, не нашли истока Тобола.

Вот на обратном пути в одну из ночёвок на них татарва и напала. Было басурман около сотни и, скорее всего, они долго наблюдали за первопроходцами, готовясь к нападению. Получилось у поганых плохо. Караулы их заметили и подняли тревогу, а выстрелы из семидесяти ружей, хоть и не прицельно из-за темноты, всякое желание вступить в пе-

рестрелку отбили. Куда там луку против ружья с цельнометаллическим патроном.

Утром место боя осмотрели. Нашли трёх убитых и одного раненого. Но были это не башкиры и не калмыки. Пленного выходили, и с грехом пополам используя и башкира и торговта толмачами расспросили. Он оказался кипчаком. Род свой пленник называл тортуыл. От пленника узнали и немного про приток реки Тобол, возле которого на экспедицию напали. Приток назывался Уй, и, по словам кипчака, река эта бежала с предгорий Урал-тау. Вот тогда Епифан и предпринял попытку вернуться домой не по Тоболу, потом Исети и Миассу, а по этому самому Ую (по-башкирски – низина).

Лодьи пришлось оставить через пару сотню вёрст. Дальше почти месяц шли пешком. Страшно повезло, что у самого истока реки на небольшой горushке встретили кочевье башкир. Тех самых, что показывали, как добраться до истока реки Яик. Они и проводили уставший сверх меры отряд до дороги, что соединяет Миасс с Белорецком. Десяток лошадок помогли припасы тащить.

На следующий год теперь уже на лошадях и поедем искать исток Тобола. Часть пути можно пройти и на лодьях. Их ведь не просто бросили. Перевернули в не приметной низинке и ветками забросали. Должны зиму пролежать, а весной можно будет просмолить и вновь до того места, где в этот раз остановились доплыть, ну а дальше на конях. Нашли гору Магнитную, нашли истоки Яика и Уя, найдём и истоки

Тобола. Всё в наших силах.

Событие двенадцатое

Захариас Янсен простыл. Лежал теперь дома, укутанный одеялами и, попивая горьковатую коричневую жидкость, рассматривал листы бумаги с рисунками.

Началось всё ещё больше полугода назад, весной. Пришёл к нему в мастерскую князь Пожарский. Посмотрел на оборудование, на котором мастер шлифовал линзы, покрутил в руках недоделанную подзорную трубу, потом повращал штатив телескопа почти законченного и, ничего не сказав, ушёл. Вернулся он после обеда с Иоганном Кеплером.

– Господа, мне нужен мощный микроскоп, – Пётр Дмитриевич взял карандаш и лист бумаги и изобразил схематично требуемый прибор, – Смотрите. Снизу нам нужно зеркало, лучше чуть вогнутое, чтобы оно собирало свет. Зеркало должно вращаться в обеих плоскостях, чтобы им можно было направить луч света на предметное стёклышко. Сверху к корпусу должно быть тоже приделано зеркало. Это должно вращаться уже в трёх плоскостях. Им будем подавать свет на исследуемый объект, если он непрозрачен. Вопросы есть?

Захариас прикинул. Сложно. Как заставить зеркало вращаться сразу в трёх плоскостях? Об этом и спросил.

– Нужно крепление сделать в виде шарнира, – князь взял руку Кеплера сжал её в кулак и, накрыв своей огромной мо-

золистой пятернёй, поворачивал, а потом подвигал руку астронома в локте, – Всё за нас уже природа придумала.

А ведь и правда!

– А механики смогут такое изготовить? – усомнился теперь уже Иоганн.

– Смогут. Теперь дальше. Вот эта полочка будет называться предметный столик. Он должен винтом подниматься и опускаться очень плавно. Нужно будет настраивать фокусное расстояние. Не мне вам объяснять, что есть люди с близорукостью, а есть с дальновзоркостью. Этот микроскоп должен обоим позволить видеть всё чётко. Кроме того верхняя панель должна скользить на салазках, чтобы можно было осмотреть весь исследуемый предмет, не трогая его, – Пётр Дмитриевич разжал руку астронома выпрямил тому ладонь и, обхватив на этот раз её, показал, что нужно от этой панели.

Как наглядно всё. Всё же князь великий учёный. Если бы он ещё на всякие войны не отвлекался.

– Ну, с простыми вещами покончено. Теперь сам микроскоп. Иоганн, ты ведь знаешь, что если в приборе две линзы, то их увеличение общее можно посчитать, умножив одно на другое. Теперь давай представим, что линз больше двух. Третья линза делает перевёрнутое изображение правильным. А четвёртая, а шестая, а десятая. Только нужно разбить этот прибор на две части. Назовём верхнюю – окуляр. Туда будем смотреть. Он сделан из бронзовой трубки, в которую вставлено несколько плоско-выпуклых линз.

Иоганн, нужно просчитать, что получится с двумя, а что с четырьмя линзами. Нижняя трубка будет объективом, там тоже нужно вставить от четырёх до шести линз. Понятно, что объектив должен быть закреплён неподвижно, а окуляр ходить вверх и вниз. Ну, вот и всё. Стоп. Ещё на предметном столике нужно предусмотреть из плоской пружины зажимы, чтобы фиксировать стёклышко с препаратом, — князь оглядел смотревших на него учёных, — Иоганн, договорись с Захарией, о диаметре линз и начинай расчёты. Могу ещё посоветовать, чтобы линзы закреплять, можно использовать резиновые прокладки. Вот теперь точно всё.

Янсен после того, как князь Пожарский ушёл, долго рассматривал эскиз и понуро качал головой. Разве можно сравнить этот совершенный прибор с тем убожеством, что они с отцом сделали два десятка лет назад.

Закончил изготовление микроскопа голландец как раз к празднику 3 ноября. В этот день, правда, в разные годы, русские разбили поляков под Москвой и заключили мир со Швецией в Нарве, после разгрома той. Теперь вот и ещё один праздник будет. День создания первого настоящего микроскопа. В этот же день Захария и простыл. Полез на улицу с новым прибором рассматривать снежинки. Иоганн Кеплер как-то обмолвился, что все снежинки имеют шесть лучей и при этом в природе не существует из множества миллиардов снежинок ни одной одинаковой. Хотелось Захарии проверить это. Взял он карандаш и бумагу и пошёл

на мороз зарисовывать снежинки. Да так увлёкся, что и не заметил, как простыл. Вот теперь жар и кашель. А снежинки и в самом деле разные.

Глава 5

Событие тринадцатое

Первого декабря 1626 года по новому стилю пошёл сильный снег. Пётр Дмитриевич Пожарский сидел у камина в большом мягком кресле и тупо смотрел на белую пелену за окном. Мыслей полезных не было. Вернее, мысль-то была, только одна всего. И прямо по классику. «Что делать»? Кто виноват, очень даже понятно. Сам и виноват. Широко шагаешь – штаны порвёшь. Вот и порвал.

Вчера «Председатель Госплана» Пьер Эригон принёс ему отчёт по коммерческой деятельности Петра за 1626 год, по крайней мере, за десять месяцев. Картина получилась совершенно неожиданной для князя. Он практически обанкротился. Доход от всех его предприятий, полученный в виде монет, был на триста тысяч рублей меньше, чем расход. Конечно, так считать нельзя. Ведь огромное количество чугуна шло на рельсы и, если его превращать не в рельсы, а в посуду, например, то эти триста тысяч легко перекроются. А ещё можно торговать керосиновыми лампами и самим керосином. Да, много откуда ещё денег можно взять. По существу в Вершилово и остальных зависимых от него городах

строится почти коммунизм. Бесплатное образование, бесплатная медицина, бесплатное питание для школьников. Да, даже трамвай в Вершилово бесплатный. Теплицы всем желающим выдаются просто под роспись. Дома каждому выдаются со всеми пристройками тоже «за красивые глаза», да, за «некрасивые» тоже выдаются. Скот поселенцам раздаётся. Перемещение этих переселенцев иногда аж из Испании до Астрахани или Миасса через Ригу – бесплатно. А сколько стоит «набор переселенца»? Ведь каждая крестьянская семья бесплатно получает и косы, и серпы, и топоры, и гвозди, даже пару плугов (один – плоскорез) и борону. А ещё он из своих денег оплачивает суммарно несколько тысяч солдат и офицеров. В каждом городе есть гарнизон. Ведь практически все они сейчас на границах. Вокруг дикие степняки и воины там не пузо на печи чешут, а регулярно вступают в стычки с беспокойными соседями и даже гибнут, не смотря на явное превосходство в вооружении и выучке.

Была и ещё одна беда. Пётр попросил бывшего французского шпиона посчитать и её. Очень не утешительные выводы. В Вершилово по сравнению с 1618 годом, годом его здесь появлением, инфляция составила более трёхсот процентов. То, чего он боялся, свершилось. Самое смешное, что товара вокруг полно. Вот только местные его не покупают, и, следовательно, денежная масса нарастает. Вершиловцам не нужны фарфоровые вазы. Не нужны огромные зеркала. Нужна еда и одежда. Вот они и дорожают. Уже многие во Владимир

по первопутку отправляются. Там продукты в разы дешевле. И ткань гораздо хуже, но и гораздо дешевле.

Можно к тем деньгам, что посчитал Пьер, добавить прибыль от деятельности десятка банков, размещённых по всей Европе. Тогда получится даже серьёзная прибыль. Но! Везти сюда эти деньги, значит, ещё больше раскрутить инфляцию. Пока Пётр решил пустить, наконец, в работу золото, добытое в Миассе. За эти пять лет его набралось больше тонны. Лежало мёртвым грузом в подвале дворца. Что ж, значит, пришло его время.

Он всё считал, что слишком медленно Россию вытаскивает из той ямы, куда её бездарные правители ввергли. А оказывается, наоборот, слишком быстро. Ладно. В этом году недостающие триста тысяч найдём. Сейчас химики уже разработали способ переработки золотого песка и самородков. Почему-то генерал Афанасьев думал, что золото, которое добывают, промывая песок в реках, не содержит примесей. Остудил его энтузиазм Пьер Вернье. Оказывается, что там лишь чуть больше половины – золото. Ещё около сорока процентов – серебро, и до кучи медь. Азотной кислотой можно разделить. Только уж больно дорого доставалась пока эта кислота. Вот Пётр и дал химикам задание попытаться извлечь золото из сплава другим путём, и лучше, если там ещё и ртути не будет. Через месяц ему принесли результаты. Оказывается, можно и с помощью серной кислоты. Для этого гранулированный сплав разварили в чугунных котлах в кон-

центрированной серной кислоте при 300–350°. Серебро перешло в растворимую серноокислую соль, а золото осталось в осадке. Раствор слили, золото промыли и переплавили. В раствор же добавили воды и вытеснили из него серебро металлической медью. В результате всех этих «опытов» Пётр получил шестьсот тридцать килограмм золота и более полутоны серебра. Что ж, рубль это три грамма золота и двадцать семь граммов серебра, значит, можно начеканить двадцать одну тысячу золотых червонцев и двадцать тысяч серебряных рублей. До трёхсот тысяч ерунды не хватает. Есть ещё ведь и старые запасы. Будем считать, что в этом году сработали «в ноль».

Большая часть денег уходила на переселенцев. Чуть меньше на Урал, там есть лес. А вот поволжские Мариинск, Красноглинск, Васильевск, Царицын, Самара и Астрахань, а так же Михайловск и Димитровград на Белой требовали сплавлять огромное количество леса, для строительства самих городов, да ещё леса и угля на отопление зимой. Дорого! А ведь на следующий год ещё запланировано переселять людей в Саратов и основать два новых города на Урале – Магнитогорск и Молотов, на месте Челябинска. Опять куча денег? Хотя, можно пока переселение в Миасс и Белорецк остановить. Пусть население увеличивается естественным путём и пусть пока займутся улучшением инфраструктуры. Больницы пусть строят, храмы, школы, дороги, пристани, стадионы.

Ещё одной огромной тратой на следующий год будет «Покорение Крыма». Сейчас корабелы со всего мира в Днепропетровске и Смоленске строят огромную флотилию речных судов с почти плоским дном и двумя мачтами с косыми парусами. Как только Днепр вскроется, отправимся «покорять». Вершиловский оружейный завод в три смены без выходных штампует патроны и снаряды. Готовы будем лучше, чем во время принуждения поляков к миру.

Присоединять Крым к России Пётр не собирался. По той простой причине, что весь юг полуострова – это османские земли. Конечно, захватить можно и эти города, но вот удержать. Этим товарищам только море переплыть, да ещё и с Азова могут через Керченский пролив силы перебросить. Да и переселять туда просто некого. Князь Пожарский с Михаилом Фёдоровичем и патриархом Филаретом это уже сто раз обсудил. Цель этого нападения – уменьшение количества мужского боеспособного населения Крыма и возвращение на Родину всех рабов, даже если они обасурманились и вступили в смешанные браки. Заберём рабынь вместе с детьми и воспитаем этих детей в православии и любви к родине их матерей, то есть России. Единственная крепость, что останется за русскими это Перекоп. Нужно закрыть татарам выход с полуострова. От Перекопа до Днепра километров семьдесят. Построим город на Днепре, или захватим Ислам-Керман, и хорошую дорогу до Перекопа отсыпим щебнем и гравиём. И будем посмотреть, как без набегов на Русь будет про-

цветать это разбойничье гнездо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.